

МАРИЯ
КОРЕЛЛИ

✧
Вендетта,
или История всеми забытого
✧

✧ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✧

Зарубежная классика (АСТ)

Мария Корелли

**Вендетта, или История
всеми забытого**

«Издательство АСТ»

1886

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Корелли М.

Вендетта, или История всеми забытого / М. Корелли —
«Издательство АСТ», 1886 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-119064-4

Граф Фабио Романи, которого все считают одной из жертв эпидемии холеры, бушевавшей в Неаполе в конце XIX века, «воскресает из мертвых»... Однако, возвратившись домой, он с ужасом понимает: там его никто не ждет...

Красавица жена Нина и лучший друг Гвидо, давно состоявшие в тайной связи, планируют свадьбу и считают дни до окончания траура. Потрясенный предательством до глубины души, граф Романи бросает вызов судьбе и решает посвятить свою жизнь изощренной мести... И для начала он выдает себя за другого человека, чтобы вновь завоевать любовь Нины, дружбу Гвидо и уважение в обществе...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-119064-4

© Корелли М., 1886
© Издательство АСТ, 1886

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	50
Глава 10	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Мария Корелли

Вендетта, или История всеми забытого

Глава 1

Я, пишущий эти строки, – мертвец. Я мертв совершенно официально, в полном соответствии с законом, я умер и похоронен. Расспросите обо мне в моем родном городе, и вам ответят, что я стал одной из жертв холеры, бушевавшей в Неаполе в 1884 году, и что мои бранные останки покоятся в родовом склепе моих предков. Но все же – я жив! Я чувствую, как в моих жилах струится горячая кровь, что текла в них тридцать лет, кровь, придающая сил мужчине в расцвете сил. Она делает мой взгляд острым и зорким, мышцы становятся крепкими, словно сталь, руки обретают железную хватку, а тело – стройную и гордую осанку. Да! Я жив, хоть и объявлен мертвым, жив и преисполнен сил. И даже скорбь и невзгоды не оставили на мне следов, за исключением одного. Мои волосы, некогда иссиня-черные, сделались белыми, как снег на склонах Альп, хотя густые кудри выются, как прежде.

– Что-то наследственное? – спрашивает один врач, осматривая мои побелевшие локоны.

– Внезапное нервное потрясение? – предполагает другой.

– Длительное пребывание на палящем солнце? – намекает третий.

Никому из них я не даю ответа. Однажды я ответил на подобный вопрос. Я поведал свою историю человеку, с которым познакомился совершенно случайно – известному своими успехами в медицине и добротой. Он выслушал меня до конца с явным недоверием и тревогой и намекнул на возможность моего сумасшествия. С тех пор я никому ничего о себе не говорю.

Однако теперь я пишу. Я нисколько не опасаясь преследований и могу безбоязненно изложить всю правду. Я могу обмакнуть перо в собственную кровь, если захочу, и никто не посмеет мне помешать! Ибо меня окружает зеленое безмолвие бескрайних тропических лесов Южной Америки – величественное и непоколебимое безмолвие девственной природы, почти не тронутой безжалостной поступью человеческой цивилизации, обитель чудесного спокойствия, едва нарушаемого трепетом крыльев и нежным пением птиц, а также тихим шепотом или грозным ропотом играющих в небесах вольных ветров. Я обитаю внутри этого волшебного круга, и здесь я возношу ввысь свое отягощенное сердце, словно наполненную до краев чашу, которую потом изливаю на землю до последней капли содержащихся в ней желчности и злобы. Мир должен узнать мою историю.

«Мертв – и в то же время жив! Как такое возможно?» – спросите вы. Ах, друзья мои! Если вы хотите быть уверены, что действительно избавились от своих умерших родственников, вам следует их кремировать. Иначе никому не ведомо, что может произойти! Кремация – лучший и единственно верный способ. Это чистая и *безопасная* процедура. Отчего против нее должны существовать какие-то предубеждения? Разумеется, лучше предать останки тех, кого мы любили (или делали вид, что любили), очищающему огню и свежему воздуху, нежели поместить их в холодный каменный склеп или же опустить в сырую вязкую землю. Ведь в глубокой могиле таятся омерзительные твари – существа гадкие, о которых не принято говорить: длинные черви, осклизлые особи с незрячими глазами и ненужными крыльями, уродливые отбросы мира насекомых, рожденные в ядовитых испарениях. Существа, самый вид которых может вызвать у вас, о изнеженная дама, приступ истерики, а вас, о крепкий мужчина, заставит содрогнуться от отвращения! Однако существует нечто худшее, чем чисто природные явления ужасного свойства, сопутствующие так называемому «христианскому» погребению, и это ужасная неуверенность и неопределенность. Что, если после того, как мы поместили прочный гроб с останками горячо любимого покойного родственника в склеп или же опустили его в

яму в земле, после того как носили подобающие траурные одежды и придавали нашим лицам должествующее выражение тихой и смиренной печали, – что, спрашиваю я, если после всех этих мер, должных обеспечить надежность и безопасность, они окажутся на самом деле недостаточными? Что, если в узилище, куда мы заключили горько оплакиваемого усопшего, двери окажутся не столь крепкими, как мы наивно полагали? Что, если прочный гроб развалится под натиском исполненных ярости и неистовства пальцев и наш покойный дорогой друг окажется *не* мертв, а, подобно библейскому Лазарю, воскреснет, дабы снова требовать от нас привязанности? Разве нам тогда не суждено будет горько пожалеть о том, что не удалось прибегнуть к надежному и испытанному методу кремации? Особенно если мы приобрели земные блага или деньги, оставленные нам столь заслуженно оплакиваемым усопшим! Ибо мы суть обманывающие себя лицемеры – не многие из нас искренне скорбят по мертвым и чтят их память с истинной нежностью и любовью. И все же, видит Бог, они могут нуждаться в куда большем сочувствии, нежели мы себе представляем!

Однако позвольте мне вернуться к тому, что я должен исполнить. Я, Фабио Романи, недавно скончавшийся, намерен подробно изложить череду событий одного недолгого года, года, вместившего муки и страдания, которых хватило бы на целую жизнь! Всего лишь год! Один стремительный удар кинжала Времени! Он пронзил мое сердце, и незаживающая рана по-прежнему кровоточит, и каждая капля крови падает на землю позорным пятном!

Одной тяготы жизни, столь близкой многим, я никогда не испытывал – бедности. Когда мой отец, граф Филиппо Романи, скончался, оставив меня, тогда семнадцатилетнего юношу, единственным наследником своего огромного состояния и единственным главой знатного рода, нашлось множество друзей с самыми искренними намерениями, которые со свойственной им добротой пророчили мне самое мрачное будущее. Попадались даже такие, кто ожидал моей физической и моральной гибели с некоторой степенью злорадного предвкушения, – и при этом они являлись порядочными людьми. Они пользовались уважением и располагали обширными связями, их слова имели вес, и некоторое время я сам являлся предметом их злонамеренных страхов. Согласно их измышлениям, меня ожидала участь азартного игрока, расточителя, пьяницы и неисправимого женолюба самого распутного свойства. Тем не менее, как это ни странно, я не стал подобным субъектом. Хотя я и был неаполитанцем со свойственными уроженцам нашего края пламенными страстями и вспыльчивостью, однако я испытывал врожденное презрение к низменным порокам и отвратительным необузданным страстям. Игра казалась мне помутняющей рассудок глупостью, пьянство – разрушителем здоровья и разума, а безнравственное мотовство – издевательством над бедняками. Я сам выбрал себе образ жизни – нечто среднее между простотой и роскошью, здоровое совмещение домашнего уюта с приятными светскими увеселениями, размеренное существование с соблюдением разумных пределов, которое не утомляло ум и не вредило телу.

Я жил на отцовской вилле, в миниатюрном дворце из белого мрамора, стоявшем на лесистом холме с видом на Неаполитанский залив. Мой уголок для игр и развлечений окаймляли благоухающие апельсиновые и миртовые рощи, где сотни голосистых соловьев возносили свои любовные трели к золотистой луне. Искристые фонтаны били в огромных каменных бассейнах, украшенных изысканной резьбой, и их прохладный шепчущий плеск освежал горячее безмолвие жарких летних дней. В этом тихом пристанище я мирно прожил несколько счастливых лет, окруженный книгами и картинами, часто принимая друзей – молодых людей, чьи вкусы более или менее совпадали с моими и кто мог в равной мере по достоинству оценить и древний фолиант, и букет и аромат дорогого вина.

Женщин я видел редко или не видел их вовсе. Сказать по правде, я подсознательно их избегал. Родители дочерей на выданье часто приглашали меня в гости, но я по большей части отклонял подобные приглашения. Любимые книги предостерегали меня касательно женского общества, и я верил и следовал этим предостережениям. Подобное поведение вызывало

насмешки со стороны тех моих друзей, которые предавались любовным похождениям, однако их веселые шутки о том, что они называли моей «слабостью», нисколько меня не задевали. Я верил в дружбу куда сильнее, чем в любовь, и у меня был друг, за которого в то время я бы с радостью отдал жизнь и к которому испытывал самую глубокую привязанность. Он, Гвидо Феррари, тоже иногда присоединялся к добродушному подшучиванию, которое я вызывал своей неприязнью к женщинам.

– Да полноте, Фабио! – восклицал он. – Не испытать тебе полноты жизни, пока ты не вкусишь нектара розовых губ! Не разгадать тебе тайны звезд, пока ты не погрузишь свой взор в бездонную глубину глаз юной девы! Не познать тебе блаженства, пока ты не сомкнешь жарких объятий на тонкой талии и не услышишь биения охваченного страстью сердца в такт своему! Оставь заплесневелые фолианты! Поверь, во всех этих древних мрачных философах не было ни капли мужского, в их жилах текла не кровь, а водица, а их клевета на женщин являла собой лишь вздорную болтовню, порожденную их же заслуженными неудачами и разочарованиями. Лишенные главной радости жизни станут охотно убеждать других, что к ней не стоит стремиться. Что же, друг мой! Ты, наделенный остроумием, сверкающим взором, веселой улыбкой, гибким телом, – и неполнишь ряды влюбленных? Что там говорит Вольтер о слепом боже?

Кто бы ты ни был – вот твой властелин,
В минувшем, настоящем иль грядущем!

Когда мой друг наставлял меня подобным образом, я улыбался, но ничего не отвечал. Его доводы не убеждали меня. Но все же я любил его слушать – голос его звучал мягко и нежно, как пение дрозда, а глаза говорили куда красноречивее слов. Видит Бог, я любил его! Бескорыстно, искренне, с той редкой нежностью, с которой дружат школьники, но которая не часто свойственна зрелым мужчинам. В его обществе я был счастлив, а он, казалось, – в моем. Мы проводили вместе большую часть времени, он, как и я, в отрочестве лишился родителей и поэтому сам строил свою жизнь в соответствии со своими вкусами и желаниями. Своим занятием он выбрал искусство и, хоть и стал довольно успешным живописцем, был столь же беден, как я богат. Я старался различными способами исправить эту ошибку судьбы с должной предусмотрительностью и деликатностью и обеспечивал ему столько заказов, сколько мог, не возбуждая в нем подозрений и не уязвляя его гордость. Ведь он испытывал ко мне сильную привязанность – наши вкусы и пристрастия во многом совпадали, и я не желал себе ничего большего, чем пользоваться его доверием, дружбой и преданностью.

В этом мире никому, пусть даже самому безобидному существу, не позволено постоянно оставаться счастливым. Судьба – или же ее прихоть – не может наблюдать нас в длительном состоянии покоя. Достаточно чего-то совершенно обыденного – взгляда, слова, прикосновения, – и вот! Крепкие узы давних привязанностей оказываются разорванными, и спокойствие, представлявшееся нам столь незыблемым и нерушимым, наконец заканчивается. Подобные перемены произошли со мной, как, конечно же, происходят и со всеми. Однажды – как хорошо я это помню! – душным вечером мая 1881 года я был в Неаполе. День я провел на своей яхте, лениво и медленно плавая по заливу, держа курс по слабому ветерку. Из-за отсутствия Гвидо (он на несколько недель отправился в Рим) я пребывал в некотором одиночестве и, когда мое легкое судно уже заходило в гавань, испытывал какую-то задумчивость и неуверенность, которые вскоре сменились подавленностью. Несколько матросов, составлявших экипаж моего парусника, разбрелись кто куда, как только сошли на берег, – каждый направился в свои любимые места развлечений или пороков, – но я был не в том настроении, чтобы веселиться. Хотя в городе у меня имелось много знакомых, мне были не по душе те удовольствия, которые они могли мне предложить. Я неспешно шагал по одной из главных улиц, размышляя, не возвратиться ли мне пешком в свой дом на холме, как вдруг услышал пение, а вдали разгля-

дел мелькавшие белые одежды. Стоял май, месяц Пресвятой Девы, и я сразу заключил, что ко мне, очевидно, приближается крестный ход в ее честь. Частью от скуки, частью из любопытства я остановился и стал ждать. Поющие голоса звучали все ближе, я увидел священников, псаломщиков, раскачивавшиеся золотые кадила, полные ладана, горящие свечи, белоснежные одеяния детей и девушек – и затем внезапно вся живописная красота процессии закружилась у меня перед глазами сверкающим яркими красками пятном, из которого на меня глядело одно лицо! Лицо, сияющее, как звезда, из пышного облака длинных янтарных локонов. Лицо с легким румянцем и нежное, как у ребенка, совершенно очаровательное, освещенное двумя лучшими глазами, большими и темными, как ночь. Лицо, на котором изящно изогнутые губы улыбались наполовину дразнящей, наполовину сладкой улыбкой! Я не отрываясь смотрел на него, пораженный и взволнованный – красота делает всех нас такими глупцами! Это была женщина – представительница той половины, которой я не доверял и которую избегал, – женщина в самом начале цветения юности, девушка пятнадцати или, самое большее, шестнадцати лет. Ее вуаль завернулась назад случайно или по намерению, и на один недолгий миг я окунулся в соблазняющий душу взгляд и колдовскую улыбку! Процессия прошла, видение исчезло, но в тот краткий миг прежняя эпоха моей жизни навсегда завершилась и началась новая.

Разумеется, я на ней женился. Мы, неаполитанцы, в таких вопросах времени не теряем. Нам не хватает благоразумия. В отличие от холодной крови англичан, наша быстро струится по жилам, она горяча, как вино или солнце, и не нуждается в надуманных стимулах. Мы любим, мы желаем, мы обладаем, а затем? Мы устаем, скажете вы? Эти южные народы так непостоянны! Вовсе нет – мы устаем гораздо меньше, чем вы думаете. А разве англичане не устают? Разве их не одолевает тайная тоска, когда они сидят в укромном уголке своего «дома, милого дома» с растолстевшими женами и все время прибавляющимся семейством? На самом деле – да! Однако они слишком осторожничают, чтобы сказать об этом вслух.

Нет нужды излагать историю моего ухаживания – оно было недолгим и упоительным, как превосходно исполненная песня. Препятствий никаких не возникло. Девушка, чьей руки я добивался, была единственной дочерью разорившегося флорентийского дворянина с мотовским характером, который едва сводил концы с концами, испытывая судьбу за игровым столом. Дочь его воспитывалась в монастыре, известном своей строгой дисциплиной, и ничего не знала о мирской жизни. Она была, как уверял меня расчувствовавшийся до слез родитель, «невинна, словно цветок на алтаре Мадонны». Я поверил ему: ибо что могла эта прекрасная юная дева с тихим голосом знать даже о некоей тени зла? Мне не терпелось сорвать эту дивную лилию для своего горделивого обладания, и ее отец радостно вручил мне ее, без всякого сомнения в душе поздравив себя со столь состоятельной партией, которая досталась его дочери-бесприданнице.

Мы поженились в конце июня, и Гвидо Феррари почтил нашу свадьбу своим милым и учтивым присутствием.

– Клянусь Бахусом! – воскликнул он после окончания брачной церемонии. – Мое учение пошло тебе на пользу, Фабио! В тихом омуте черти водятся! Ты проник в шкатулку Венеры и выкрал оттуда драгоценнейший камень! Ты отыскал самую прекрасную девушку в Королевстве обеих Сицилий!

Я сжал его руку и ощутил слабые угрызения совести, поскольку он перестал занимать главное место в моей жизни. Я почти пожалел об этом. Да, в первое утро после женитьбы я оглянулся на былые дни – уже далекие, хоть и недавние – и со вздохом понял, что они закончились. Я взглянул на Нину, свою жену. И этого было достаточно! Ее красота ослепляла и поражала меня. Тающее томление ее огромных лучистых глаз будоражило мне кровь – я забывал обо всем, кроме нее. Я пребывал в возвышенном бреде страсти, где любовь, и только любовь, является основой мироздания. Я возносился на самые вершины блаженства, где дни текли праздниками в сказочной стране, а ночи – снами восторга наяву! Нет, я не знал усталости! Красота моей жены не пресыщала меня, наоборот, она с каждым днем становилась все пре-

краснее. Я никогда не замечал в ней иных качеств, кроме привлекательных, и через несколько месяцев она досконально изучила все грани моего характера. Она обнаружила, что нежными взглядами могла подчинить меня своей воле и превратить в преданного раба, она управляла моей слабостью, превратив ее в свою власть надо мной. Она это прекрасно знала – а чего она не знала? Я терзаю себя этими глупыми воспоминаниями. Все мужчины старше двадцати лет успевают изучить различные женские уловки, милые и игривые приемчики, которые ослабляют волю и лишают сил даже самых стойких героев. Любила ли она меня? О да, полагаю, что так! Оглядываясь на те дни, могу откровенно сказать: я верил, что она любила меня, как любят своих мужей девятьсот жен из тысячи, а именно за то, что они могут от них получить. А я для нее ничего не жалел. И если мне хотелось боготворить ее и возносить до ангельских высот, тогда как она была всего лишь самой обычной женщиной, то это являлось моим недомыслием, которое нельзя было вменить ей в вину.

Мы зажили открытым домом. Наша вилла стала центром притяжения для сливок светского общества Неаполя и его окрестностей. Моя жена пользовалась всеобщим восхищением, а ее прекрасное лицо и изысканные манеры стали предметом обсуждения по всему городу. Мой друг Гвидо Феррари относился к тем, кто громче всех восхвалял ее достоинства, а возвышенное почитание, которое он проявлял по отношению к ней, еще больше расположило меня к нему. Я верил ему как брату, он приходил и уходил, когда ему было угодно, он дарил Нине цветы и изящные безделушки, приходившиеся ей по вкусу, и относился к ней с братской нежностью и добротой. Мое счастье представлялось мне абсолютным – у меня были любовь, богатство и дружба. А чего более может желать человек?

К сладости моей жизни добавилась еще одна капля меда. В первое майское утро 1882 года родился наш ребенок – девочка, прелестная, словно один из белых анемонов, что в ту пору росли в лесах, окружавших наш дом. Малышку принесли мне на тенистую веранду, где я сидел за завтраком вместе с Гвидо, – крошечный, почти бесформенный комочек, завернутый в мягкую кашемировую ткань и старые кружева. Я с нежным благоговением взял на руки хрупкое создание, малышка открыла глаза. Они были большие и темные, как у Нины, и, казалось, в их чистых глубинах все еще отражался свет неба, под которым ее вот-вот пронесли. Я поцеловал ее личико, Гвидо последовал моему примеру, и ясные тихие глазки посмотрели на нас со странной полувопрошающей торжественностью. Сидевшая на ветке жасмина птица затянула тихую нежную трель, подувший легкий ветерок заиграл белыми лепестками розы у наших ног. Я вернул младенца няньке, ожидавшей, чтобы забрать его, и с улыбкой сказал:

– Передайте моей жене, что мы поприветствовали ее майский цветок.

Когда нянька ушла, Гвидо положил мне руку на плечо. Лицо его сделалось необычно бледным.

– Ты славный парень, Фабио! – внезапно воскликнул он.

– Действительно! Что это вдруг? – полунасмешливо спросил я. – Я не лучше остальных.

– В тебе меньше подозрительности, чем в большинстве людей, – ответил он, отвернувшись от меня и лениво поигрывая веткой клематиса, вившейся по столбу веранды.

Я с удивлением взглянул на него.

– О чем это ты, друг мой? Разве у меня есть причина кого-то подозревать?

Он рассмеялся и снова сел за накрытый к завтраку стол.

– Да нет же! – воскликнул он, посмотрев на меня открытым взглядом. – Ведь в Неаполе воздух буквально напоен подозрениями, кинжал ревности всегда готов ударить, справедливо или нет, и даже дети искушены в пороках. Кающиеся грешники исповедуются священникам, которые куда более грешны, чем те, кто приходит к ним на исповедь. Господи Боже! В теперешнем обществе, где супружеская верность – это фарс... – Он на мгновение умолк, а затем продолжил: – Разве не прекрасно дружить с таким человеком, как ты, Фабио? С человеком

домовитым и счастливым в семейной жизни, на небосклоне доверия которого нет ни малейшего облачка?

– У меня нет причин для недоверия, – произнес я. – Нина так же невинна, как дитя, которому она сегодня стала матерью.

– Правда! – воскликнул Феррари. – Истинная правда! – Он с улыбкой посмотрел мне прямо в глаза. – Она чиста, словно девственный снег на вершине Монблана, чиста, как безупречный алмаз, и недоступна, как самая далекая звезда! Не так ли?

Я согласился с некоторой долей беспокойства: что-то в его поведении меня озадачило. Наш разговор вскоре перешел на другие темы, и больше я над этим вопросом не задумывался. Однако настало время – и очень скоро, – когда у меня появились веские причины припомнить каждое сказанное им слово.

Глава 2

Всем известно, каким выдалось в Неаполе лето 1884 года. Газеты всего мира пестрели описаниями его ужасов. Холера шествовала повсюду, словно всеразрушающий демон, и от ее смертельного прикосновения множество людей, молодых и старых, падали и умирали прямо на улицах. Жуткая болезнь, порожденная грязью и преступным пренебрежением самыми элементарными нормами гигиены, охватила город с чудовищной быстротой, а безрассудная и всеобщая паника была даже хуже холеры. Незабываемая стойкость короля Умберто Первого возымела свое действие на более просвещенные классы, однако среди низших слоев населения Неаполя безраздельно властвовали всепоглощающий страх, дикие суеверия и крайний эгоизм. Один случай может служить наглядным примером происходившего в городе. Некий рыбак, хорошо известный в своей округе, симпатичный и общительный молодой человек, находясь в море в своей лодке, внезапно ощутил первые симптомы холеры. Его понесли к родительскому дому. Старуха, похожая на отвратительную ведьму, увидев приближавшуюся к ее жилищу небольшую процессию и сразу же поняв, что к чему, закрыла и наглухо забаррикадировала дверь.

– Пресвятая Дева! – визгливо кричала она в приоткрытое окно. – Оставьте этого презренного подонка на улице! Неблагодарная свинья! Он заразит свою родную мать, работающую и уважаемую! Святой Иосиф! Кому нужны такие дети? Оставьте его на улице, говорю я вам!

Было бесполезно увещевать это старое чучело в женском обличье. Ее сын, к счастью для него, был без сознания, и после некоторых пререканий его положили у порога, где он вскоре скончался, а тело его, словно мусор, увезла похоронная команда.

В городе стояла невыносимая жара. Небо представляло собой ярко пылающий купол, а гладь залива сделалась неподвижной, словно сверкающее ровное стекло. Тонкий столб дыма, поднимавшийся из кратера Везувия, еще более усиливал ощущение всепроникающего жара, который, казалось, окружил город невидимым кольцом огня. Не слышно было пения птиц, разве что поздними вечерами соловьи в моих садах принимались наперебой выводить мелодии наполовину радостные, наполовину печальные. На лесистом холме, где я жил, было сравнительно прохладно. Я принял все меры предосторожности, чтобы уберечь свой дом от проникновения инфекции. На самом деле я вообще бы уехал из города, если бы не знал, что быстрое бегство из охваченной эпидемией местности зачастую чревато случайными контактами с зараженными. Кроме того, моя жена не нервничала – полагаю, очень красивые женщины вообще редко переживают. Их неумное тщеславие является превосходной защитой от любой эпидемии, оно не дает развиваться главному элементу опасности – страху. Что же до нашей Стеллы, пухленького карапуза двух лет от роду, то она росла здоровым ребенком, не давая ни малейших поводов для беспокойства ни своей матери, ни мне.

Гвидо приехал и остался у нас пожить, в то время как холера, словно острая коса в поле с созревшим зерном, сотнями выкашивала нечистоплотных неаполитанцев. Мы трое вместе с небольшой свитой слуг, которым было строго-настроено запрещено выходить в город, питались мучными блюдами и пили кипяченую воду, регулярно мылись, рано вставали и ложились спать и находились в добром здравии.

Помимо многих прочих достоинств, моя жена обладала также очень красивым и хорошо поставленным голосом. Она пела изящно и выразительно, и часто вечерами, когда мы с Гвидо сидели в саду и курили, после того как маленькая Стелла отходила ко сну, Нина услаждала наш слух соловьиным пением, исполняя песню за песней, чудесные куплеты с припевами, народные песни, полные дикой и необузданной красоты. К этому пению часто присоединялся Гвидо со своим глубоким баритоном, сочетавшимся с ее нежным и чистым сопрано столь же дивно, как журчание фонтана с трелями птиц. Я и теперь слышу эти два голоса, их дуэт по-прежнему

насмешливо звенит у меня в ушах. Сильный аромат цветов померанцевого дерева пополам с миртом наполняет воздух вокруг меня, желтая полная луна сияет в иссиня-черном небе, словно золотой кубок Фульского короля, брошенный в морские глубины. И вновь я вижу две головы, склоненные друг к другу, – одну белокурую, другую темноволосую, моей жены и моего друга, тех двоих, чьи жизни были мне в миллион раз дороже моей собственной. Ах, то были счастливые дни – времена самообмана всегда таковы. Мы никогда в полной мере не выражаем благодарность тем искренним людям, что пробуждают нас от снов, – однако именно они суть наши истинные друзья, если бы мы только могли это осознать.

Август выдался самым кошмарным месяцем в Неаполе за все лето. Холера распространилась со страшной скоростью, и люди, казалось, буквально сошли с ума от ужаса. Некоторые, испытывая полное презрение к происходившему, погружались в пьяные оргии, бездумно презрев все вероятные последствия. Одна из подобных буйных пирушек происходила в известном кафе. Восемь молодых людей в обществе восьми девушек поразительной красоты прибыли туда и потребовали отдельный кабинет, где им подали роскошный ужин. В конце трапезы один из веселившихся поднял бокал и предложил тост: «За успех холеры!» Его приветствовали громкими одобрительными криками и аплодисментами, после чего все выпили, разразившись безумным смехом. Той же ночью все до единого гуляки скончались в ужасных мучениях, их тела, как водилось, поместили в неказистые гробы и похоронили один поверх другого в наспех вырытой для этого могиле. Подобные жуткие истории доходили до нас каждый день, однако они не производили на нас устрашающего впечатления. Стелла являла собой оживший талисман против мора. Ее невинная игривость и детский лепет веселили и занимали нас, создавая атмосферу физического и душевного покоя и здоровья.

Однажды утром – в один из самых жарких дней того палящего августа – я проснулся раньше обычного. Намек на возможную прохладу побудил меня встать и прогуляться по саду. Моя жена крепко спала рядом со мной. Я тихонько оделся, стараясь ее не потревожить. Я было собрался выйти из комнаты, когда какое-то неясное чувство заставило меня оглянуться и еще раз взглянуть на нее. Как она была прекрасна! Она улыбалась во сне! Мое сердце забилося сильнее, когда я пристально посмотрел на нее – три года она была моей, и только моей! Мое страстное обожание и любовь к ней с течением времени лишь увеличивались. Я приподнял один из золотистых локонов, рассыпавшихся по подушке, словно солнечные лучики, и нежно его поцеловал. Затем, совершенно не ведая своей дальнейшей судьбы, вышел из дома.

Когда я неспешно прогуливался по дорожкам сада, меня приветствовал легкий ветерок. Его дуновения хватало лишь на то, чтобы поиграть листвой, и все же в нем чувствовался солоноватый привкус, который несколько освежал после тропического зноя минувшего вечера. В ту пору я погрузился в изучение Платона, и во время прогулки мой ум был занят высокими рассуждениями и глубокомысленными вопросами, которыми задавался этот великий философ. Погруженный в возвышенные, но приятные размышления, я зашел дальше, чем намеревался, и в конечном итоге оказался на уединенной тропинке, которой давно перестали пользоваться. Эта извилистая тропка спускалась вниз по направлению к гавани. Там царили полумрак и прохлады, и я почти машинально пошел по ней, пока не заметил пробивавшиеся сквозь густую листву нависавших над тропой деревьев силуэты мачт и размытые очертания белых парусов. Я было собрался повернуть обратно, как вдруг меня поразил какой-то странный звук. Кто-то тихо стонал от сильной боли, словно животное, придушенно кричащее от испытываемых им страданий. Я двинулся на этот звук и увидел лежавшего на траве лицом вниз мальчишку лет одиннадцати-двенадцати, маленького продавца фруктов. Его корзина с товаром стояла рядом, с верхом наполненная манившими к себе персиками, виноградом, гранатами и дынями – дивными плодами, но очень опасными во время холеры. Я тронул мальчишку за плечо.

– Что с тобой? – спросил я. Он судорожно дернулся и повернулся ко мне лицом – красивым, хоть и мертвенно-бледным от страданий.

– Холера, синьор! – простонал он. – Холера! Держитесь от меня подальше, ради Бога! Я умираю!

Меня охватила нерешительность. За себя я не боялся. Но вот ради жены и ребенка следовало соблюдать осторожность. Однако я не мог оставить беднягу без помощи. Я решил отправиться в гавань на поиски врача. Держа эту мысль в голове, я заговорил с ним ободряющим тоном.

– Держись, мой мальчик! – сказал я. – Не падай духом! Не всякая болезнь смертельна. Отдохни здесь, пока я не вернусь. Я приведу врача.

Мальчишка посмотрел на меня удивленным, жалобным взглядом и постарался улыбнуться. Он показал себе на горло и попытался что-то сказать, но тщетно. Затем он свернулся клубочком на траве и скорчился от боли, как смертельно раненное животное. Я оставил его и быстро зашагал вперед. Дойдя до гавани, где стояла невыносимая и удушающая жара, я увидел нескольких бесцельно стоявших мужчин с испуганными лицами, которым я рассказал о мальчишке и попросил помощи. Все они отпрянули от меня, никто не хотел меня сопровождать, даже за предложенные мною деньги. Проклиная их трусость, я поспешил на поиски врача и наконец нашел его. Это оказался француз с желтоватым болезненным лицом, который с явной неохотой выслушал мой рассказ о состоянии, в котором я оставил маленького продавца фруктов, после чего решительно покачал головой и отказался даже двинуться с места.

– Он уже не жилец, – заметил он коротко и холодно. – Лучше ступайте в обитель, чтобы монахи унесли его тело.

– Что?! – вскричал я. – Вы даже не попытаетесь его спасти?

Француз поклонился с насмешливой учтивостью.

– Прошу прощения, мсье! Мое здоровье подвергнется серьезной опасности, если я прикоснусь к умершему от холеры. Позвольте пожелать вам всего хорошего!

И он исчез, захлопнув дверь у меня перед носом. Я страшно рассердился, и хотя от жары и зловония раскаленных улиц у меня закружилась голова, я напрочь забыл об угрожавшей мне опасности и продолжал стоять в охваченном холерой городе, размышляя, как найти помощь. Участливый низкий голос спросил у меня над ухом:

– Вам нужна помощь, сын мой?

Я поднял взгляд. Рядом со мной стоял высокий монах, капюшон его сутаны почти закрывал бледное, но волевое лицо. Это был один из тех героев, кто во имя Христа в то ужасное время откликался на призывы о помощи и бесстрашно противостоял мору там, где безбожные хвастуны-горлопаны разбегались в разные стороны, словно перепуганные зайцы, при первых же признаках опасности. Я почтительно поздоровался с ним и изложил свое дело.

– Я сейчас же туда отправлюсь, – произнес он, и в его голосе прозвучала жалость. – Однако я опасюсь худшего. У меня есть с собой лекарства, возможно, я еще успею.

– Я пойду с вами, – нетерпеливо сказал я. – Даже собаку нельзя бросить умирать без помощи, а уж тем более бедного мальчишку, у которого, кажется, и друзей-то нет.

Монах внимательно взглянул на меня, когда мы вместе зашагали вперед.

– Вы живете не в Неаполе? – спросил он.

Я представился, моя фамилия оказалась ему знакома, после этого я описал ему расположение своей виллы.

– На вершине холма мы находимся в добром здравии, – добавил я. – Мне непонятна паника, охватившая город. Подобная трусость лишь способствует разгулу холеры.

– Конечно же! – спокойно ответил он. – Но что поделать? Здесьние жители любят удовольствие. Их сердца целиком принадлежат мирской жизни. Когда в их рядах появляется неизбежная для всех смерть, они становятся похожими на младенцев, пугающихся темных теней. Вера как таковая... – тут он глубоко вздохнул, – ...никак их не сдерживает.

– Но вы, святой отец... – начал я и внезапно остановился, почувствовав резкую пульсирующую боль в висках.

– Я, – мрачно ответил он, – есть слуга Христа. И посему холера никак меня не страшит. Недостойный вроде меня по призванию Всевышнего Владыки готов – нет, желает – взглянуть в глаза всем смертям.

Он говорил твердым тоном, однако без высокомерия. Я смотрел на него с восхищением и собирався было ответить, как вдруг ощутил внезапный приступ головокружения. Я ухватился за его руку, чтобы не упасть. Улица раскачивалась под ногами, как корабль во время шторма, а небеса закружились во всполохах голубого пламени. Приступ медленно проходил, и я услышал голос монаха, будто бы издавдалека спрашивавшего меня, что случилось. Я заставил себя улыбнуться.

– По-моему, это все из-за жары, – ответил я вяло, словно дряхлый старик. – Слабость какая-то, и голова кружится. Лучше оставьте меня здесь и займитесь мальчиком. О господи!

Последние слова вырвались у меня вместе с мучительным криком. Ноги отказались держать меня, и тело мое пронзила боль, холодная и горькая, словно его нанизали на ледяную сталь, заставившая меня, подергиваясь, опуститься на тротуар. Высокий и жилистый монах без колебаний подхватил меня и наполовину занес, наполовину втащил в какой-то трактир или подобное заведение для бедных. Там он положил меня на деревянную скамью и позвал хозяина, человека, который, казалось, его хорошо знал. Хотя я и испытывал острую боль, но оставался в сознании, видел и слышал все происходившее.

– Хорошенько о нем позаботься, Пьетро! Это богатый граф Фабио Романи. Твои старания будут вознаграждены. А я вернусь в течение часа.

– Граф Романи! Пресвятая Дева! Он подхватил холеру!

– Глупец! – с жаром воскликнул монах. – Как ты можешь это знать? Солнечный удар вовсе не холера, ты, трус! Присмотри за ним, или же, клянусь ключами святого Петра, тебе не найдется места в раю!

От такой угрозы трясущийся владелец заведения пришел в ужас и покорно подошел ко мне с подушками, подложив мне их под голову. Между тем монах поднес к моим губам стакан с какой-то лекарственной микстурой, которую я машинально проглотил.

– Отдохните здесь, сын мой, – обратился он ко мне успокаивающим тоном. – Это хорошие люди. Я же поспешу к мальчику, которому вы искали помощи, и меньше чем через час снова вернусь к вам.

Я взял его за руку, стараясь удержать.

– Постойте, – слабо пробормотал я. – Дайте мне услышать худшее. Это холера?

– Надеюсь, нет! – сочувственно ответил он. – А если бы и она? Вы молоды и достаточно сильны, чтобы бесстрашно ее побороть.

– Я не боюсь, – сказал я. – Но, святой отец, обещайте мне – ни слова о болезни моей жене! Поклянитесь! Даже если я буду без сознания или умру, поклянитесь, что меня не отнесут на виллу. Поклянитесь! Я не успокоюсь, пока не услышу вашего обещания.

– Торжественно вам в этом клянусь, сын мой, – размеренно ответил он. – Во имя всего святого я исполню ваше пожелание.

Я ощутил величайшее облегчение – безопасность тех, кого я любил, была обеспечена – и поблагодарил его безмолвным жестом: я слишком ослаб, чтобы что-то сказать. Он исчез, а сознание мое погрузилось в хаос странных и причудливых картин. Постараюсь воскресить в памяти эти видения. Я явственно вижу обстановку помещения, где лежу. Вот робкий хозяин заведения, он перетирает стаканы и бутылки, изредка бросая на меня испуганные взгляды. Группки людей заглядывают в дверь и, увидев меня, спешат прочь. Я наблюдаю все это, сознавая, где нахожусь, и в то же время взбираюсь по крутым склонам альпийского ущелья. Под ногами у меня холодный снег, и я слышу рев тысяч сходящих лавин. Алое облако плывет над

вершиной белого ледника, оно распадается на части, и в его ярко светящемся центре на меня глядит улыбающееся лицо!

– Нина! Любовь моя, жена моя, душа моя! – громко кричу я.

Я тяну к ней руки, сжимаю ее в объятиях – и... Это проныра трактирщик липко обнимает меня! Я яростно отталкиваю его, задыхаясь.

– Дурак! – кричу я ему в ухо. – Пусти меня к ней, к ее губам, созданным для поцелуев, пусти!

Подходит еще один мужчина и хватает меня, вдвоем с хозяином они силой укладывают мою голову на подушки. Они наваливаются на меня, и жуткая слабость вкупе с невероятной усталостью лишают меня последних сил. Я перестаю сопротивляться. Пьетро и его помощник смотрят на меня.

– Он умер! – перешептываются они.

Я слышу их и улыбаюсь. Умер! Только не я! Палящие солнечные лучи струятся сквозь открытую дверь заведения, страдающие от жажды мухи жужжат настойчиво и громко, какие-то голоса поют «Фею Амальфи»¹, и я даже разбираю слова.

Я скажу тебе несмело,
Ты прекрасней всех, Розелла!
Ты в Амальфе всех красивей,
Моя фея, моя дива,
В моем сердце навсегда,
Так приди ко мне, царица,
Ведь с тобою не сравнится
В небе ни одна звезда.

Какая все-таки правдивая песня, моя Нина! «В небе ни одна звезда...» Как там говорил Гвидо? «Чиста, как безупречный алмаз, и недоступна, как самая далекая звезда!» Этот глупенький Пьетро по-прежнему перетирает бутылки. Я вижу его, его круглое кроткое лицо лоснится от жары и пыли, но я не могу понять, откуда он вообще здесь взялся, поскольку стою на берегу тропической реки, где буйно растут пальмы и сонные крокодилы дремлют на солнце. Их огромные челюсти раскрыты, а маленькие глазки зеленовато поблескивают. По безмолвной воде скользит легкая лодка, в ней я вижу гибкую фигуру стоящего индейца. Черты его лица странным образом напоминают Гвидо. Приближаясь ко мне, он достает длинное, тонкое и сверкающее стальное лезвие. Храбрец! Он хочет в одиночку напасть на безжалостных тварей, подстерегающих его на раскаленном берегу. Он спрыгивает на землю, и я наблюдаю за ним с каким-то странным восхищением. Он проходит мимо крокодилов, кажется, он не подозревает об их присутствии и быстрым, решительным шагом подходит ко мне. Это меня он ищет, и в мое сердце вонзает холодный стальной кинжал, затем вытаскивает его, и с лезвия капает кровь. Еще раз, другой, третий – а я все никак не умираю! Я корчусь, я стенаю от жутких мучений! Затем между мной и слепящим солнцем появляется что-то темное, что-то холодное и мрачное, от чего я в отчаянии пытаюсь отстраниться. Два темных глаза пристально смотрят мне в зрачки, и чей-то голос произносит:

– Спокойствие, сын мой, спокойствие. Доверьтесь воле Божьей.

Это мой друг монах. Я с радостью узнаю его. Он вернулся со своей богоугодной миссии. Хотя я едва могу говорить, я слышу, как справляюсь о мальчике. Слуга Божий истово крестится.

– Да упокоится его юная душа с миром! Я нашел его уже мертвым.

¹ Популярная неаполитанская песня. – *Примеч. автора.*

В своем полузабытии я поражен этим. Умер – и так скоро! Я не могу этого понять и снова погружаюсь в какие-то путанные видения. Теперь, оглядываясь назад на те мгновения, я вижу, что не могу ясно припомнить то, что случилось со мной после. Знаю, что испытал сильную, нестерпимую боль, что жуткие страдания буквально истязали меня и сквозь бредовую пелену я слышал приглушенные печальные звуки распевов или молитв. Кажется, я слышал еще и звук колокола во время причастия, но с каждой секундой мысли мои путались все больше, так что в этом я не уверен. Помню, как вскричал после приступа боли, продлившегося, как мне показалось, целую вечность:

– Только не на виллу, нет, нет! Вы не отнесете меня туда, я прокляну того, кто меня ослушается!

Потом помню жуткое ощущение, словно меня затягивало в глубокий водоворот, откуда я воздевал умоляющие руки к монаху, стоявшему надо мной. Я увидел угасавший блеск серебряного распятия, сверкавшего у меня перед глазами, и наконец с единственным громким зовом о помощи погрузился вниз, все глубже и глубже в пропасть черной ночи и небытия!

Глава 3

Затем наступил долгий период беспмятства, неподвижности и тьмы. Казалось, я погрузился в некий глубокий источник забвения и мрака. Будто во сне, передо мной все еще мелькали какие-то образы, сперва расплывчатые, но со временем начавшие обретать смутные очертания. Надо мной нависали странные трепещущие существа: тоскливые глаза смотрели на меня из едва видимого глубокого мрака, длинные костлявые пальцы, хватавшие пустоту, то ли предупреждали меня, то ли мне угрожали. Затем очень медленно перед моим взором возникло видение размытого красного тумана, словно на грозовом закате, и из середины этой кроваво-красной дымки ко мне приблизилась огромная черная рука. Она толкнула меня в грудь, схватила за горло чудовищной хваткой и железным натиском прижала к поверхности, на которой я лежал. Я забился, пытаюсь высвободиться, мне хотелось закричать, но эта жуткая сила лишала меня дара речи. Я извивался вправо и влево, стараясь выскользнуть, но черная безжалостная рука точно сковала меня. И все же я продолжал бороться с жуткой, навалившейся на меня силой, которая стремилась сокрушить меня. И медленно, мало-помалу, я наконец-то одержал победу!

Я проснулся! Боже милосердный! Где же я находился? В какой жуткой атмосфере, в какой непроглядной тьме? Постепенно ко мне вернулись чувства, и я вспомнил свою недавнюю болезнь. Монах, человек по имени Пьетро – где они? Что они со мной сделали? Постепенно я начал понимать, что лежу на спине и... на чем-то очень твердом. Зачем они вытащили подушки у меня из-под головы? Какое-то покалывание пробежало у меня по жилам, я с удивлением ощутил собственные руки, они были теплыми, и сердце мое билось достаточно быстро, хоть и неровно. Но что же мешало мне дышать?! Воздуха, воздуха! Мне нужен воздух! Я поднял руки – и о ужас! Они уперлись в нависавшую надо мной твердую поверхность.

И тут правда озарила меня яркой и быстрой, как молния, вспышкой! Меня похоронили, похоронили заживо, а деревянное узилище, окружавшее меня, оказалось гробом! Меня охватило неистовство, превосходящее ярость обезумевшего тигра, и я начал изо всех сил рвать и царапать проклятые доски, всю силу рук и плеч вложив в попытки разбить и открыть заключенную крышку! Но все мои усилия были тщетны! От ярости и ужаса я еще больше обезумел. Насколько легче любая смерть по сравнению с моей! Я задыхался, чувствовал, как глаза у меня вылезают из орбит, из носа и изо рта хлынула кровь, а по лбу стекали ледяные капли пота. Я остановился, ловя ртом воздух. Затем, собрав все силы перед еще одним яростным усилием, отчаянным движением уперся всеми конечностями в крышку моего тесного узилища. Она затрещала и подалась в стороны! И тут меня охватил новый прилив ужаса, и я рухнул на спину, тяжело дыша.

Если... если меня похоронили в могиле, с леденящим ужасом думал я, какой смысл открывать гроб и обсыпать себя рыхлой землей, влажной, кишасей червями и костями мертвецов, всепроникающей землей, которая забьет мне рот и глаза, навеки заставив меня замолчать?! Эта мысль сверлила мне мозг, и рассудок мой был на грани помутнения! Я рассмеялся – подумать только! – и мой смех отдался у меня в ушах, как последний хрип умирающего. Но я мог дышать свободнее, даже оцепенев от страха, и чувствовал воздух. Да! Дивный свежий воздух как-то проник внутрь. Ободренный и воодушевленный осознанием этого факта, я нащупал образовавшуюся щель, а потом с невообразимой быстротой и силой принялся расшатывать доску, пока вдруг вся боковина гроба не подалась в сторону, так что я смог поднять крышку. Я вытянул руки, и никакая земля не мешала их движениям. Я ощущал воздух – и только. Поддавшись порыву, я выпрыгнул из ненавистного ящика и упал, пролетев небольшое расстояние, поранив руки и колени обо что-то напоминающее каменную кладку. Рядом со мной, издав глухой звук, упало что-то тяжелое.

Вокруг царил непроглядный мрак. Однако можно было дышать, и воздух был прохладным и освежающим. Превозмогая боль, я с трудом сел на том месте, куда упал. Конечности у меня оставались затекшими и непослушными, к тому же я поранился и меня бил лихорадочный озноб. Но мысли прояснились, их дикая череда сделалась ровной и упорядоченной, прежнее безумное волнение понемногу улеглось, и я начал размышлять о своем положении. Разумеется, меня похоронили заживо – в этом не оставалось ни малейших сомнений. Сильная боль, скорее всего, сменилась долгим беспамятством. Люди в трактире, куда меня привели больным, сразу же решили, что я умер от холеры. Охваченные паникой, с непристойной поспешностью, свойственной всем итальянцам, особенно во время холеры, они затолкнули меня в один из неказистых гробов, которые тогда сотнями делали в Неаполе, – простой ящик из тонких досок, какие наспех сколачивались в охваченном страхом городе. Но как же я превозносил эту небрежную работу! Окажись я в более прочном гробу, кто знает, не увенчались ли бы полным провалом мои самые отчаянные и яростные усилия? От этой мысли я содрогнулся. И все же мне не давал покоя вопрос: где я? Я обдумал свое положение со всех сторон и какое-то время не мог прийти ни к какому разумному заключению. Однако стойте! Я вспомнил, что назвал монаху свое имя и он знал, что я – единственный отпрыск богатого рода Романи.

Что же дальше? Ну естественно, добропорядочный святой отец исполнил лишь то, что велел ему долг. Он проследил, чтобы меня поместили в склеп моих предков – просторный склеп Романи, который не открывали с тех пор, как туда принесли тело моего отца для последнего упокоения с торжественностью и пышностью, свойственными похоронам богатого аристократа. Чем больше я об этом думал, тем более вероятным мне это представлялось. Склеп Романи! Его зловещий мрак привел меня в ужас, когда я еще юношей следовал за гробом отца к предназначенной для него каменной нише. Я отвел взгляд, вздрогнув от боли, когда мне велели посмотреть на массивный дубовый гроб с обвисшим и изодранным бархатом, украшенный почерневшим серебром, где содержалось все, что осталось от моей матери, умершей молодой. Мне стало плохо, закружилась голова, меня пробил озноб, и я пришел в себя, лишь вновь оказавшись на свежем воздухе, под высоким синим куполом небес. А теперь я заперт в этом склепе, став его узником, и какова моя надежда на спасение? Я задумался. Вход в склеп, как я помнил, закрывала тяжелая дверь с частой кованой решеткой, от которой вели высокие ступени – вниз, где я, по всей видимости, и находился. Положим, я смог бы в крошечной темноте на ощупь добраться до них и подняться к двери – но что с того? Она закрыта – нет, заперта на засов, – поскольку склеп располагался в дальнем конце кладбища, и очень маловероятно, что даже смотритель кладбища пройдет мимо него в течение нескольких дней, а то и недель. Значит, я должен умереть от голода? Или от жажды? Терзаемый подобными жуткими картинками, я поднялся с пола и выпрямился во весь рост. Ноги мои были босы, и холод камня пробирал меня до костей. Мне еще повезло, что меня похоронили как умершего от холеры: из страха заразиться на мне оставили хоть какую-то одежду – я был во фланелевой рубашке и своих обычных прогулочных брюках. К тому же что-то висело у меня на шее. Я ощупал ее, и на меня нахлынула волна сладостных и вместе с тем печальных воспоминаний.

Это была тонкая золотая цепочка, на которой висел медальон с портретами моей жены и ребенка. В темноте я вытащил его и покрыл страстными поцелуями и слезами – первыми, что пролились после моей смерти, горькими и жгучими слезами, хлынувшими из моих глаз. Стоило жить, пока свет озаряет улыбка Нины! Я решил бороться за жизнь, какие бы ужасы ни ждали меня впереди. Нина – моя любовь, моя красавица! Ее лицо сверкало передо мной в тлетворном мраке усыпальницы, ее глаза манили меня – ее юные верные глаза, которые, я был уверен, утопали в слезах от скорби после моей предполагаемой смерти. Я, казалось, видел, как моя добросердечная любовь рыдает одна в гулком безмолвии комнаты, хранящей память о тысячах наших объятий. Ее дивные волосы растрепаны, ее прекрасное лицо побледнело и осунулось от горького бремени! Малышка Стелла тоже наверняка будет, бедняжка, удивляться

тому, отчего я не пришел, как обычно, покачать ее под сенью ветвей апельсинового дерева. А Гвидо, мой храбрый и преданный друг! Я с нежностью подумал о нем. Казалось, я знал, насколько глубокой и долгой будет его скорбь из-за моей кончины. О, я использую все способы, чтобы выбраться отсюда, чтобы найти выход из этого мрачного склепа! Как радостно им всем будет вновь меня увидеть – узнать, что я все-таки не умер! Какой прием они мне устроят! Как Нина ответит на мои объятия, как моя маленькая дочурка прильнет ко мне, как Гвидо крепко пожмет мне руку! Я улыбнулся, представив себе эту радостную сцену на старой доброй вилле – в счастливом доме, освященном крепкой дружбой и нежной любовью!

Внезапно до моего слуха донеслись размеренные гулкие звуки – один, два, три! Я насчитал двенадцать ударов. Какой-то церковный колокол отбивал наставший час. Мои мечтания развеялись, и я снова вернулся к мрачной реальности своего положения. Двенадцать часов! Полдень или полночь? Этого я сказать не мог и стал прикидывать. Когда мне стало плохо, было раннее утро, немногим более восьми часов. Я встретил монаха и попросил его помочь бедному маленькому торговцу фруктами, который, в конечном итоге, скончался наедине со своими страданиями. Теперь, если предположить, что моя болезнь длилась несколько часов и я, возможно, впал в забытие – умер, как сочли окружавшие меня люди, – это произошло где-то около полудня. Тогда они, разумеется, поторопились похоронить меня как можно быстрее – в любом случае до захода солнца. Один за другим складывая эти звенья в одну цепочку, я пришел к заключению, что колокол, который я только что услышал, скорее всего, отбил полночь – полночь после моих похорон. Я вздрогнул и ощутил какую-то нервную дрожь. Я человек не робкого десятка, однако, несмотря на всю свою образованность, подвержен некоторым суевериям. А какой неаполитанец от них свободен? Это свойство нашего южного народа. К тому же было что-то невыразимо пугающее в звуках колокола, гулко отбивавшего полночь и с лязгом звеневшего в ушах того, кто был заживо замурован в склепе с разлагающимися останками своих предков на расстоянии вытянутой руки! Я пытался обуздать свои чувства и собрать всю силу духа. Я старался отыскать наилучший способ выбраться на волю. Я решил, если возможно, на ощупь дойти до ведущих из склепа ступеней и с этой мыслью вытянул вперед руки и начал с предельной осторожностью медленно двигаться вперед. Но что это? Я замер, прислушавшись, и кровь застыла у меня в жилах! Пронзительный крик, проникающий в самую душу, долгий и печальный, эхом разнесся под низкими сводами моей усыпальницы. Меня бросило в холодный пот, сердце заколотилось так громко, что я слышал, как оно бьется о ребра. Снова раздался пронзительный звук, сопровождаемый свистящим шумом и хлопаньем крыльев. Я постарался дышать спокойно.

– Это сова, – сказал я себе, устыдившись собственного страха, – бедная безобидная птица, спутник и страж мертвых. Вот почему ее голос полон печали и скорби, но она не причинит мне вреда.

Я пополз дальше с еще большей осторожностью. Внезапно из почти непроглядной темноты на меня уставились два огромных желтых глаза, беспощадных и донельзя голодных. На мгновение я опешил и попытался назад, а эта тварь налетела на меня со свирепостью тигра! Я отбивался от нее, во все стороны размахивая руками, а она вертелась вокруг моей головы, метила мне в лицо и била своими огромными крыльями, которые я чувствовал, но не видел. Лишь желтые глаза сверкали во мраке, словно глаза зловещего демона! Я бил направо и налево, яростная схватка длилась несколько мгновений, меня затошнило, закружилась голова, но я бесстрашно продолжал бой. Наконец, слава богу, огромная сова отступила. Треща крыльями, она ринулась назад и вниз, явно измотанная, дико взвизгнув от бессильной ярости, когда ее горящие глаза исчезли в темноте. Задышавшись, но не потеряв присутствия духа – каждая клеточка моего тела дрожала от возбуждения, – я продолжил свой путь, как мне казалось, к каменной лестнице, рассекая воздух вытянутыми руками и медленно продвигаясь вперед. Вскоре я наткнулся на преграду, твердую и холодную, – конечно же, это каменная стена. Я ощущал ее

сверху и снизу и обнаружил пустоту – это первая ступень лестницы? Я задумался: она казалась очень высокой. Я осторожно прикоснулся к ней – и внезапно наткнулся на что-то мягкое и влажное, наподобие мха или мокрого бархата. С некоторым отвращением ощупав это нечто пальцами, я вскоре определил, что передо мной гроб продолговатой формы. Любопытно, но эта находка не произвела на меня особого впечатления. Я обнаружил, что методично пересчитываю рельефные металлические полосы, служившие, как я заключил, неким украшением. Восемь полосок вдоль, между ними что-то мягкое и влажное, и четыре полосы поперек. Потом меня словно укололи, и я быстро отдернул руку, раздумывая: чей это гроб? Отца? Или же я только что перебирал, словно в бреду, обрывки бархата на огромном дубовом гробу, в котором покоились священные остатки красоты моей покойной матери? Я стряхнул с себя безразличие, в котором пребывал. Все усилия, предпринятые мной, чтобы найти выход из склепа, оказались напрасны. Я затерялся в беспросветном мраке и не знал, куда двигаться. С удвоенной силой я ощутил ужас своего положения. Меня начала мучить жажда. Я упал на колени и громко застонал.

– Боже всемилостивейший! – вскричал я. – Спаситель мира! Во имя святых упокоившихся душ, коих Ты содержишь в Твоих святых пределах, смилуйся надо мной! О, матушка моя! Если рядом со мной действительно лежат твои бранные останки, то помысли обо мне, о светлый ангел на небесах, где дух твой почиет с миром! Помолись за меня и спаси меня или же дай мне умереть теперь же, не мучаясь боле и не терзаясь!

Я произнес эти слова вслух, и звуки моего стонающего голоса, разнесшиеся под мрачными сводами склепа, даже мне самому показались странными и исполненными невообразимого ужаса. Я знал, что если мои страдания продолжатся, то я лишусь рассудка. Я не смел вообразить себе все то ужасное, на что может решиться безумец, заключенный в эту обитель смерти и тьмы в окружении разлагающихся трупов. Я оставался стоять на коленях, закрыв лицо руками. Потом заставил себя несколько успокоиться и постарался сохранить хоть какое-то душевное равновесие. Но тише! Что за чудесные, веселые и ободряющие звуки раздались вдалеке? Я поднял голову и прислушался, словно зачарованный.

– Фью, фью, фью! Чвик, явик, чвик! Тр-р-ля! Тр-р-ля! Тр-р-ля!

Это был соловей. Прелестная птица с ангельскими трелями! Как я благословлял тебя в тот черный час отчаяния! Как славил Бога за твое невинное бытие! Как вскочил на ноги, рассмеялся и заплакал от радости, когда ты, не ведая обо мне, осыпал ласкающий воздух жемчужным дождем соловьиных трелей! Небесный посланник утешения! Даже теперь я думаю о тебе с нежностью, ибо по твоей милости все птицы стали предметами моего обожания. Род человеческий сделался отвратительным в моих глазах, но певчие обитатели лесов и холмов – столь чистые и свежие – казались мне ближе всего к счастливой райской жизни на этой земле!

Меня охватил прилив силы и храбрости. У меня родилась новая мысль. Я решил двигаться на голос соловья. Он пел сладостно и ободряюще, и я вновь начал свой путь сквозь тьму. Я полагал, что птица сидела на одном из деревьев у входа в склеп, и если я пойду на ее голос, то, скорее всего, достигну той самой лестницы, которую столь мучительно искал. Спотыкаясь, я двинулся вперед. Меня одолевала слабость, ноги и руки тряслись. На этот раз ничто не мешало моему продвижению, дивные трели соловья слышались все ближе и ближе, и надежда, почти исчезнувшая, вновь ожила в моем сердце.

Я едва ощущал свои движения. Казалось, что-то влекло меня вперед, словно во сне, золотой нитью птичьего пения. Внезапно я зацепился ногой о камень и рухнул ничком, но боли не почувствовал: конечности мои слишком онемели, чтобы ощутить очередной удар. В темноте мои отяжелевшие и воспаленные глаза что-то уловили, после чего я издал благодарственный возглас. Тонкий луч лунного света, не толще стрелы, наклонно падал в мою сторону и указывал на то, что я наконец достиг выхода, к которому стремился.

Я упал на нижнюю ступеньку каменной лестницы. Я не мог разглядеть входную дверь склепа, но знал, что она должна находиться в самом верху крутого подъема. Но к тому времени я слишком устал, чтобы двигаться дальше. Я неподвижно лежал там, куда добрался, смотрел на одинокий лучик лунного света и слушал соловья, чьи восторженные трели совершенно явственно звенели у меня в ушах. *Бомм!* Гулкий колокол, который я слышал раньше, с лязгом отбил очередной час. Скоро настанет утро. Я решил отдохнуть. Совершенно вымотанный и телом и душой, я положил голову на холодные камни столь же охотно, как если бы они были мягчайшими подушками на свете, и через несколько мгновений забыл о своих невзгодах, погрузившись в глубокий сон.

Я, наверное, успел проспять некоторое время, прежде чем был внезапно разбужен ощущением удушающей слабости и тошноты, сопровождаемым острой болью в шее, как будто бы меня кто-то жалил. Я поднес руку к тому месту – и... Боже мой! Забуду ли я когда-нибудь, что ощутил, сомкнув дрожащие пальцы вокруг этой твари? Она вцепилась в мою плоть – крылатое, липкое, дышащее воплощение ужаса! Она впивалась в меня с отвратительным упорством, которое привело меня в исступление, и, едва не обезумев от отвращения и страха, я громко закричал! Я судорожно сжал обеими руками ее пухлое мягкое тело, я буквально отодрал ее от себя и зашвырнул как можно дальше во мрак склепа. На какое-то время я и вправду потерял рассудок – вокруг бушевало эхо от пронзительных воплей, которые я не мог сдержать! Наконец, умолкнув от полного изнеможения, я опасливо огляделся по сторонам. Лунный свет исчез, на его месте пробивался луч бледно-серого света, при котором я легко смог разглядеть всю лестницу и закрытую дверь наверху. Я ринулся вверх по ступеням с лихорадочной поспешностью безумца, вцепился обеими руками в железные прутья и принялся неистово их трясти. Дверь, надежно запертая, была неподвижна, как скала. Я позвал на помощь. Ответом мне стала мертвая тишина. Я стал смотреть сквозь частые прутья решетки. Увидел траву, склоненные ветви деревьев и прямо перед собой – маленький кусочек дивного неба опалового оттенка, едва краснеющего в ожидании наступающего рассвета. Я вдохнул сладостный свежий воздух. Надо мной нависала длинная вьющаяся лоза с гроздьями дикого винограда, листья ее были покрыты густой росой. Я просунул руку сквозь решетку, сорвал несколько зеленых прохладных ягод и жадно их съел. Они показались мне вкуснее всего, что мне доводилось пробовать, они уняли жжение моей пересохшей глотки и языка. Вид деревьев утешал и успокаивал меня. Слышалось тихое щебетание просыпавшихся птиц, а мой соловей прекратил свое пение.

Я понемногу начал приходить в себя от нервного потрясения и, прислонившись к мрачному своду своей усыпальницы, набрался храбрости и посмотрел назад, на крутую лестницу, которую преодолел в столь яростной спешке. На уголке седьмой ступени сверху лежало что-то белое. Снедаемый любопытством, я осторожно и с некоторой неохотой спустился вниз. Это оказалась половина толстой восковой свечи, которую зажигают во время католического обряда погребения усопших. Несомненно, ее бросил туда какой-нибудь небрежный духовный чин, чтобы избавить себя от необходимости нести ее обратно после окончания ритуала. Я задумчиво поглядел на нее. Если бы у меня был огонь! Я рассеянно сунул руки в карманы брюк – и там что-то звякнуло! И вправду, меня хоронили в большой спешке. Мой кошелек, маленькая связка ключей, коробочка с визитными карточками. Я по очереди вынул их из кармана и стал с удивлением разглядывать. Они казались очень знакомыми и в то же время странными! Я возобновил поиски и на сей раз обнаружил нечто очень ценное в моем теперешнем положении – маленький коробок восковых спичек. Так, а портсигар мне оставили? Нет, он исчез. Довольно дорогой, серебряный – несомненно, монах, который провожал меня в последний, как он думал, путь, забрал его вместе с часами и цепочкой и отнес жене.

Ну что же, закурить я не мог, но мог зажечь огонь. И у меня была готовая к использованию погребальная свеча. Солнце еще не взошло. Мне непременно следовало дожидаться наступления дня, когда я мог надеяться привлечь своими криками какого-нибудь человека, случайно

оказавшегося на кладбище. Тем временем мне в голову пришла сумасбродная мысль. Я мог спуститься и взглянуть на свой собственный гроб! А почему бы и нет? Это будет что-то совершенно новое. Я полностью избавился от чувства страха, коробка спичек оказалось достаточно, чтобы придать мне почти безграничную смелость. Я взял церковную свечу и зажег ее, сначала она слабо мигнула, но потом разгорелась ясным и ровным пламенем. Прикрыв ее рукой от легкого сквозняка, я бросил прощальный взгляд на дневной свет, весело пробивавшийся сквозь дверь моего узилища, а затем стал спускаться вниз, снова в мрачный склеп, где я провел ночь в неописуемых страданиях.

Глава 4

Ящерицы стайками разбегались у меня из-под ног, пока я спускался по ступенькам, и, когда огонек моей свечи разгонял темноту, я слышал шелест крыльев вместе с шипящими звуками и резким взвизгиванием. Теперь я, как никто другой, знал, что эти жуткие, отвратительные твари обосновались в обители мертвых, но чувствовал в себе силы одолеть их, вооруженный свечой, которую нес в руке. Путь, в кромешной тьме показавшийся мне бесконечно долгим, теперь был краток и легок, и вскоре я достиг того места, где неожиданно пробудился ото сна. Выяснилось, что склеп, квадратный в основании, представляет собой небольшое помещение с высокими стенами, где в некоторых местах были сделаны ниши для узких гробов. В них покоились останки всех покойных членов рода Романи, они располагались один над другим, словно ящики с товаром, аккуратно расставленные на полках самого заурядного склада. Я поднял свечу высоко над головой и с мрачным интересом огляделся по сторонам. Вскоре я увидел то, что искал, – свой гроб.

Он стоял в углублении на высоте примерно полутора метров от земли, и его фрагменты являлись свидетельством моих отчаянных усилий вырваться на свободу. Я подошел и внимательно рассмотрел гроб. Без крепа и украшений он походил на хрупкую скорлупу и являл собой жуткий образчик работы гробовщика, хотя, видит бог, мне не хотелось придирааться ни к результатам его труда, ни сетовать на спешку, с которой он его сколачивал. В нижней части гроба что-то сверкнуло – это оказалось распятие из черного дерева, украшенное серебром. И снова добрый монах! Совесть не позволила ему похоронить меня без этого священного символа. Наверное, он положил мне его на грудь как последнюю дань, которую мог мне воздать. Скорее всего, распятие упало вниз, когда я разбивал доски своего узилища. Я взял его в руки и благоговейно поцеловал, решив при этом, если мне когда-нибудь доведется вновь встретиться со святым отцом, поведать ему свою историю и в доказательство ее правдивости вернуть ему это распятие, которое он наверняка узнает. Мне стало интересно, написали ли на крышке гроба мое имя. Да, оно было выведено на доске неровными черными буквами – Фабио Романи. Затем следовала дата моего рождения, а потом – короткая надпись на латыни, гласившая, что я умер от холеры 15 августа 1884 года. Это было вчера – всего лишь вчера! А казалось, что с тех пор я прожил целое столетие.

Я повернулся, чтобы взглянуть на место упокоения моего отца. Бархат трухлявыми лохмотьями свисал с краев его гроба. Однако он еще не окончательно сгнил от сырости и не был изъеден червями, как набухший от влаги и почти истлевший материал, едва державшийся на массивном гробе, в котором лежала *она*. Она, чьи нежные руки заключили меня в первые в моей жизни объятия, в чьих любящих глазах я впервые увидел отражение огромного мира! Какое-то шестое чувство подсказывало мне, что, скорее всего, именно этих истлевших фрагментов я касался пальцами в полной темноте. Как и тогда, я сосчитал металлические полоски – восемь вдоль и четыре поперек. А на гробе отца было десять продольных серебряных полос и пять поперечных. Бедная моя матушка! Я вспомнил ее портрет – он висел у меня в библиотеке. Портрет молодой, улыбающейся темноволосой красавицы с кожей цвета нежного персика, впитавшего солнечные лучи. И во что превратилась вся ее красота? Я невольно содрогнулся, а затем смиренно опустил на колени перед двумя печальными нишами в холодном камне и стал молить о благословении моих безвозвратно ушедших родителей, которым, пока они жили, моя судьба была дороже всего.

Пока я стоял на коленях, свет от моей свечи упал прямиком на какой-то небольшой предмет, вспыхнувший необычайно ярко. Я подошел и присмотрелся. Это оказался кулон в виде большой грушевидной жемчужины, обрамленной розовыми бриллиантами! Удивленный подобной находкой, я огляделся по сторонам, чтобы понять, откуда здесь могло взяться такое

ценное украшение. И тут заметил лежавший на боку гроб необычайно больших размеров. Похоже, он попал сюда внезапно, поскольку вокруг него валялись камни и куски известковой кладки. Опустив свечу ближе к полу, я обнаружил, что ниша прямо под той, куда поместили меня, была пуста и большая часть стены в том месте была выломана. Затем я вспомнил, что, когда с отчаянной быстротой выпрыгнул из своего узкого гроба, услышал, как рядом с грохотом что-то упало. Выходит, вот что это было – длинный и широкий гроб, куда поместился бы покойник двух с лишним метров росту. Какого же гигантского предка я столь непочтительно потеснил? И не с его ли шеи случайно свалилось столь редкостное украшение, которое я теперь держал в руке?

Во мне взыграло любопытство, и я наклонился ближе, чтобы осмотреть крышку этого гроба. Имени на ней не было, не было вообще ни единого знака, кроме одного – наскоро нарисованного красной краской кинжала. Вот это тайна! Я решил ее разгадать. Поставив свечу в небольшое углубление в одной из пустых ниш, я положил рядом с ней кулон из жемчуга с бриллиантами, тем самым избавив себя от обуз. Огромный гроб лежал на боку, один из верхних углов был расколот, и я обеими руками принялся отдирать уже треснувшие доски. И вдруг оттуда вывалился кожаный мешочек, или кошелек, и упал к моим ногам. Я поднял его и открыл – он оказался полон золотых монет! Распалившись пуще прежнего, я схватил большой острый камень, и с помощью этого импровизированного инструмента, а также рук и ног мне удалось после десяти минут тяжких усилий открыть загадочный гроб.

Покончив со своими трудами, я смотрел на их результаты как громом пораженный. Моему взору не открылась ни мерзость разложения, ни побелевшие истлевающие кости, и череп не скалился на меня в зловещей усмешке, не таращился пустыми глазницами. Я смотрел на сокровища, которым позавидовал бы любой монарх! Огромный гроб был буквально набит несметными богатствами. На самом верху лежали пятьдесят больших кожаных мешочков, перевязанных грубой бечевкой. Больше половины из них были набиты золотыми монетами, остальные же – драгоценными украшениями: ожерельями, диадемами, браслетами, часами, цепочками и другими предметами дамской гордости и вожделения, перемежавшимися отдельными драгоценными камнями – алмазами, рубинами, изумрудами и опалами. Некоторые из них отличались необычайным размером и блеском, одни не были огранены, другие же были готовы к тому, чтобы их поместили в оправу. Под мешочками лежали отрезки шелка, бархата и золотой парчи, каждый из них был завернут в непромокаемую ткань, обработанную камфарой и другими ароматическими маслами. Там же находились три отреза старых кружев, тонких, как паутина, с изысканным узором и в превосходном состоянии. Среди всего этого лежали два массивных золотых подноса с изящной узорной гравировкой и четыре тяжелых золотых кубка с тонкой резьбой. Еще там были ценные вещицы и любопытные безделушки вроде статуэтки Психеи из слоновой кости на серебряной подставке, пояс из сцепленных между собой монет, расписной веер с ручкой из янтаря и бирюзы, великолепный стальной кинжал в усыпанных драгоценными камнями ножнах и зеркало в оправе из старого жемчуга. Что не менее важно, в самом низу гроба лежали свертки бумажных денег общей стоимостью в несколько миллионов франков – это намного превышало все доходы, которыми я располагал. Я погружал руки в кожаные мешочки, перебирал в пальцах дорогие ткани – все эти богатства теперь принадлежали мне! И нашел я их в своем же погребальном склепе! И, разумеется, у меня было право считать все это своей собственностью! Я начал размышлять: как их могли поместить сюда без моего ведома? И сразу же получил ответ на свой вопрос: разбойники. Разумеется! Каким же я был глупцом, что не догадался об этом раньше! Нарисованный на крышке гроба кинжал должен был подвести меня к разгадке этой тайны. Красный кинжал был общеизвестным знаком дерзкого, опасного разбойника по имени Кармело Нери, который вместе со своей шайкой головорезов орудовал в окрестностях Палермо.

«Вот как! – подумал я. – Это одна из твоих хитроумных затей, мой безжалостный Кармело! Вот хитрый шельмец! Ты все прекрасно рассчитал: думал, что никто не потревожит покой мертвых, а уж тем более не станет вскрывать гроб в поисках золота. Превосходно задумано, мой Кармело! Но на этот раз ты проиграл! Предполагаемый мертвец, вновь обретший жизнь, заслуживает кое-чего за свои страдания, и я был бы полным глупцом, если бы не принял тех благ, что посылают мне боги и разбойники. Вне всякого сомнения, сокровища эти добыты несправедливым путем, но пусть лучше они будут в моих руках, чем в твоих, дружище Кармело!»

Я несколько минут размышлял над этим странным происшествием. Если я и в самом деле – а у меня не было никаких причин в этом сомневаться – случайно обнаружил один из тайников с добром, награбленным головорезом Кармело, то этот огромный ящик, скорее всего, доставили сюда морем из Палермо. Наверное, четверо дюжих разбойников несли этот бутылочный гроб в якобы похоронной процессии, делая вид, что в нем покоится тело их товарища. Этим грабителям не откажешь в чувстве юмора. Однако оставалось ответить на вопрос: как они смогли проникнуть в мой фамильный склеп, если только не посредством отмычки?

Внезапно я оказался в темноте. Моя свеча погасла, будто ее задуло порывом ветра. У меня были спички, и я, конечно же, снова мог ее зажечь, но меня озадачила причина того, отчего она вдруг погасла. В наступившей темноте я огляделся по сторонам и, к своему удивлению, заметил лучик света, пробивавшийся из угла той самой ниши, где я поставил свечу между двух камушков. Я приблизился и протянул туда руку: через отверстие, куда свободно бы прошли три пальца, тянуло сильным сквозняком. Второпях я снова зажег свечу и, тщательно осмотрев отверстие и заднюю стенку ниши, обнаружил, что из стены извлечены четыре гранитных блока, а на их место поставлены деревянные плиты, сколоченные из бревен. Эти плиты были почти не закреплены. Я легко их вытащил одну за другой и наткнулся на грудку валежника. Когда я постепенно расчистил себе путь, обнаружилось большое отверстие, через которое без особого труда мог пробраться человек. Сердце мое забилося в предвкушении долгожданной свободы. Я выбрался наверх, огляделся – и, благодарение Богу, мне открылся окружающий мир и небо! Через две минуты я стоял на мягкой траве у склепа, надо мной сиял небосвод, а перед мои взором расстилалась дивная широкая гладь Неаполитанского залива!

Я захлопал в ладоши и закричал от радости. Я свободен! Волен вернуться к своей жизни, к любви, в объятия моей прекрасной Нины. Волен продолжить свое радостное существование на исполненной радости земле, волен забыть, если смогу, страшные ужасы своего преждевременного погребения. Если бы Кармело Нери слышал благословения, которые я призывал на его голову, он бы тотчас счел себя святым, а не разбойником. Чем я только не был обязан этому славному негодяю! Богатством и свободой! Ведь совершенно очевидно, что этот тайный ход в склеп рода Романи был хитроумно проделан им или его сообщниками для своих неблагоприятных целей. Мало какой человек был более благодарен своему благодетелю, чем я – этому знаменитому вору, за чью голову, как я знал, в течение многих месяцев обещалось огромное вознаграждение. Бедный разбойник скрывался. Ну что ж! Власти не получают от меня помощи, твердо решил я, пусть даже мне станет известно, где он прячется. Зачем мне его выдавать? Он, сам того не зная, сделал для меня больше, чем мой лучший друг. И найдете ли вы вообще в этом мире друзей, когда вам потребуется помощь? Немногих, а то и никого. Троньте человека за кошельки – и вы узнаете его истинную натуру!

Каких только воздушных замков я себе не понастроил, когда стоял, наслаждаясь светом утреннего солнца и вновь обретенной свободой! Какие только мечты о счастье не витали перед моим обрадованным взором! Мы с Ниной будем любить друг друга даже нежнее, чем прежде, думал я, наша разлука оказалась короткой, хоть и ужасной, и мысль о том, какой она могла бы стать, разожжет пламя нашей жаркой страсти с десятикратной силой. А маленькая Стелла! Нынче же вечером я вновь буду качать ее под сенью ветвей апельсинового дерева и слушать ее громкий сладостный смех! Этим же вечером я пожму руку Гвидо с радостью большей, чем

можно выразить словами! Этой же ночью прелестная головка моей жены будет покоиться у меня на груди в упоительном молчании, нарушаемом лишь музыкой наших поцелуев. О, голова у меня пошла кругом от радостных видений, нахлынувших на меня с небывалой силой!

Солнце уже взошло, и его длинные прямые лучи, словно золотистые копья, касались верхушек зеленых деревьев и светились красновато-голубыми огоньками на сверкающей поверхности залива. Я слышал легкий плеск волн и негромкий, мерный скрип весел. Откуда-то изда- лека доносился ласкающий слух голос моряка, напевавшего припев популярной песенки:

Мяты цвет лиловый,
Запомни это слово
И прыгай, тра-ля-ля,
Лимона цвет прекрасный,
Пусть все умрут от страсти,
Ты прыгай, тра-ля-ля...

Я улыбнулся. «Умереть от страсти!» Мы с Ниной познаем истинный смысл этих сладостных слов, когда взойдет луна и соловьи запоют свои любовные песни видящим сны цветам! Полный этих счастливых мечтаний, я несколько минут вдыхал чистый утренний воздух, а потом спустился обратно в склеп.

Глава 5

Первым делом я принялся складывать обратно обнаруженные мною сокровища. Это оказалось нетрудно. Пока что я удовольствовался тем, что взял себе оттуда два кожаных мешочка: один с золотыми монетами, другой – с драгоценными камнями. Гроб был прочно сколочен и не очень пострадал от моих усилий по его вскрытию. Я как можно плотнее прижал крышку, оттащил гроб в дальний и темный угол склепа, где завалил его тремя тяжелыми камнями. Потом взял два кожаных мешочка и сунул их в карманы брюк. Это напомнило мне о том, как убого выглядела моя одежда. Можно ли в таком виде появиться в общественном месте? Я заглянул в кошелек, который, как я уже говорил, перепуганные люди, поспешно затолкавшие меня в гроб во время скорых похорон, оставили при мне вместе с ключами и визитными карточками. Там оказалось две монеты по двадцать франков и немного серебра. Вполне достаточно, чтобы купить какую-нибудь приличную одежду. Но где ее купить и как? Обязательно ли мне ждать до вечера, чтобы выбраться из этой усыпальницы, словно призраку ужасного преступника? Нет! Будь что будет, но я решил больше ни секунды не оставаться в склепе. Толпы нищих, навещающих Неаполь, одеты в жалкое тряпье, и в худшем случае меня примут за одного из них. И, с какими бы трудностями я ни столкнулся, они вскоре закончатся.

Довольный тем, что надежно спрятал разбойничий гроб, я прикрепил найденный мною жемчужный кулон с бриллиантами к цепочке у себя на шее. Я решил преподнести его в подарок жене. Потом, снова выбравшись через отверстие в стене, тщательно прикрыл его деревянными плитами и валежником, как прежде. Внимательно осмотрев стену снаружи, я убедился, что было совершенно невозможно заметить хоть какие-то признаки существования подземного хода – настолько хитро он был задуман и проделан. Теперь мне оставалось как можно скорее добраться до города, объявить, кто я такой, раздобыть еду и одежду, а затем со всей возможной быстротой поспешить домой.

Стоя на небольшом пригорке, я огляделся по сторонам, чтобы определить, в каком направлении мне следует двигаться. Кладбище находилось за пределами города, а сам Неаполь простирался слева от меня. Я заметил спускавшуюся в ту сторону извилистую тропу и решил, что если пойду по ней, то она приведет меня в предместье Неаполя. Без малейших колебаний я двинулся в путь. День уже полностью вступил в свои права. Мои босые ноги увязали в пыли, горячее, как песок в пустыне, а жаркое солнце немилосердно палило неприкрытую голову. Но я не обращал внимания на эти мелкие помехи – ведь сердце мое переполнялось радостью. Я мог бы запеть от восторга, весело и быстро шагая к дому и к Нине!

Я ощущал ужасную слабость в ногах, голова и глаза болели от ослепительно-яркого солнца, иногда меня пробирал ледяной озноб, от которого даже зубы стучали. Однако я относил все эти симптомы к последствиям моей недавней, почти смертельной болезни и потому не придавал им значения. Несколько недель отдыха при заботливом уходе моей любящей жены – и я стану как новенький. Я храбро шагал вперед. Какое-то время мне никто не попадался, но вот наконец я поравнялся с небольшой тележкой, нагруженной только что собранным виноградом. Кучер спал на своем месте, а пони тем временем щипал растущую на обочине траву, время от времени позвякивая колокольчиками на сбруе, словно выражая удовольствие от того, что его предоставили самому себе. Наваленные гроздья выглядели очень соблазнительно, а мне хотелось есть и пить. Я тронул спавшего кучера за плечо, тот вздрогнул и проснулся. При виде меня его лицо исказилось от ужаса, он спрыгнул с тележки и рухнул на колени прямо в пыль, умоляя во имя Мадонны, святого Иосифа и всех угодников пощадить его. Я рассмеялся: его испуг показался мне совершенно нелепым. Разумеется, во мне не было ничего устрашающего, кроме моей убогой одежды.

– Вставай, приятель! – сказал я. – Мне ничего от тебя не нужно, кроме нескольких гроздей винограда, и за них я тебе заплачу.

Я протянул ему пару франков. Он поднялся, все еще дрожа и искоса глядя на меня с явным подозрением, взял несколько лиловых гроздьев и молча протянул мне. Затем, сунув в карман предложенные мною деньги, запрыгнул в тележку, хлестнул пони так, что несчастное животное подпрыгнуло и встало на дыбы от боли, после чего помчался по дороге с такой скоростью, что я увидел лишь исчезающие вдалеке грохотающие обода колес. Меня позабавил нелепый испуг кучера. Интересно, за кого он меня принял? За призрака или за разбойника? На ходу я неторопливо ел виноград, который оказался вкусным и освежающим – еда и вино вместе. На пути к городу я встретил нескольких человек – рыночных торговцев и продавцов мороженого, – но они не обратили на меня ни малейшего внимания. На самом деле я старался по возможности избегать людей. Дойдя до предместья, я свернул на первую же улочку, где, как мне показалось, могли быть какие-нибудь лавки. Улочка оказалась узкой и темной, в воздухе висела ужасная вонь, но через несколько шагов я увидел то, что искал, – полуразвалившуюся лачугу с разбитым окном, через которое виднелась поношенная одежда, развешанная на грубых бечевках.

Это оказалась одна из тех грязных лавчонок, куда после долгого плаванья частенько заходили моряки, чтобы избавиться от всякого барахла, привезенного из заморских стран. Поэтому среди жалкого тряпья иногда попадались необычные и любопытные вещицы вроде раковин, коралловых веток, бус, чашек и блюд, вырезанных из кокосовых орехов, высушенных тыква, рогов животных, вееров, чучел длиннохвостых попугаев и старых монет. На все это злобно взирал безобразный деревянный божок, стоявший между штанинами нанковых брюк и с каким-то идиотским удивлением обзревавший беспорядочную коллекцию хлама.

У открытой двери сего замечательного места сидел и курил старик – истинный образчик пожилого неаполитанца. Кожа на его лице напоминала коричневый пергамент, испещренный глубокими бороздами морщин, словно время, с неодобрением отнесшись к истории, которую само же запечатлело на этом лице, стерло и уничтожило все письмена, дабы никто не смог прочесть того, что некогда было четкими буквами. Единственную живость в нем, казалось, сохранили лишь глаза: черные и похожие на бусинки, они беспокойно и подозрительно бегали из стороны в сторону. Старик заметил мое приближение, но сделал вид, что поглощен созерцанием кусочка синего неба, просвечивавшего между теснившимися на узкой улочке домами. Я обратился к нему, и он быстро перевел на меня пристальный испытующий взгляд.

– Я долго странствовал, – коротко начал я, поскольку он был не из тех, кому бы я стал излагать подробности своих недавних жутких мытарств, – и в одном из происшествий лишился кое-каких предметов одежды. Продадите мне костюм? Мне любой подойдет – я не очень разборчив.

Старик вытащил трубку изо рта.

– Вы не боитесь холеры? – спросил он.

– Я только что от нее оправился, – холодно ответил я.

Он внимательно оглядел меня с ног до головы и разразился негромким булькающим смехом.

– Ха-ха! – пробормотал он то ли про себя, то ли обращаясь ко мне. – Хорош красавец! Вот он какой, вроде меня – не боится, не боится! Мы не трусы. Мы не виним святых угодников за то, что они насылают холеру. Ах, холера! Обожаю ее! Я скупаю всю одежду, снятую с покойников, которую только можно раздобыть, – мертвецы всегда прекрасно одеты. И никогда эту одежду не чищу, сразу же ее продаю – да-да! А почему бы и нет? Люди должны умирать – чем раньше, тем лучше! Я помогаю Господу как могу. – И старый богохульник истово перекрестился.

Я с отвращением смотрел на него с высоты своего роста. Он вызывал у меня такое же омерзение, какое я чувствовал, когда неизвестная тварь вцепилась мне в шею, пока я спал в склепе.

– Так как? – грубовато спросил я. – Вы продадите мне костюм или нет?

– Да, да!

Он тяжело поднялся со своего места. Росту он был совсем небольшого, к тому же так сгорбился от времени и немощи, что больше походил на изогнутую ветвь, нежели на человека, когда, прихрамывая, вошел впереди меня в темную лавку.

– Заходите, проходите! Выбирайте, тут много всего на любой вкус. Вот, не угодно ли взглянуть? Перед вами одежда настоящего джентльмена, да! Прекрасная ткань, прочная шерсть! Английской выделки! Да-да! И носил этот костюм англичанин, такой крупный, сильный милорд, который пил пиво и бренди, как воду. А уж богатый, о небо, какой богатый! Но его унесла холера, он умер, проклиная Бога, и храбро требовал еще бренди. Ха-ха! Прекрасная смерть, великолепная смерть! Хозяин, сдававший ему жилье, продал мне его одежду за три франка – один, два, три, – но вы должны заплатить мне шесть. Справедливый прибыль, так ведь? Ведь я стар и беден. Надо же мне на что-то жить.

Я отшвырнул твидовый костюм, которым он передо мной тряс.

– Нет, – заявил я, – холеры я не боюсь, но найдите мне что-нибудь получше, чем бросовая одежонка пропитанного бренди англичанина. Я уж скорее надену разноцветный костюм карнавального шута.

Старый торговец разразился исторгшимся из его глотки лязгающим смехом, напоминавшим грохот камней в оловянном котелке.

– Хорошо, хорошо! – прокаркал он. – Вот это мне нравится, очень по душе! Ты хоть и стар, но весел. Это мне по сердцу. Всегда нужно смеяться. А почему бы и нет? Смерть смеется, никогда не встретишь грустный череп, она всегда смеется!

Тут он запустил свои длинные худые пальцы в большой ящик, доверху наполненный разномастным тряпьем, безостановочно бормоча себе под нос. Я молча стоял рядом и размышлял над его словами. «Ты хоть и стар, но весел». Что он имел в виду, называя меня старым? Он, наверное, слепой, подумал я, или же на старости лет выжил из ума.

Старик вдруг поднял взгляд.

– Если говорить о холере, – произнес он, – то она не всегда поступает мудро. Вот вчера она совершила глупость – страшную глупость. Она унесла одного из богатейших людей в округе, да еще и молодого, сильного и смелого – похоже, он вообще не собирался умирать. Холера прихватила его утром, а не успело сесть солнце, как его заколотили в гроб и поместили в большой семейный склеп. Холодное жилище, и меблировано куда хуже, чем его мраморная вилла вон там, на холме. Услышав эту новость, я заявил Святой Деве, что она злодейка. О да! Я упрекнул ее во весь голос: она же женщина, да к тому же капризная, и хороший выговор урезонил бы ее. Сами посудите! Я друг Господу и холере, но оба они сделали глупость, прибрав графа Романи.

Я вздрогнул, но быстро взял себя в руки и принял равнодушный вид.

– И в самом деле! – беспечно отозвался я. – Однако скажите, кто он был такой, чтобы не заслужить такой же смерти, что и остальные?

Старик немного выпрямился и впился в меня пристальным взглядом своих черных глаз.

– Кто он был такой?! Кто он был такой?! – визгливо вскричал он. – Ах, он! Сразу видно, что вы ничего не знаете о Неаполе. Вы не слышали о богаче Романи? Так знайте, я хотел бы, чтобы он жил. Он был умен и смел, но я не от этого ему завидую, нет. Он был добр к беднякам, сотни франков жертвовал на благотворительность. Я частенько его видел и видел его свадьбу. – И тут его иссохшее лицо исказилось невероятной злобой. – Фу! Ненавижу его жену – нежную и изящную, словно белая змея! Я смотрел на них обоих, стоя на углу, когда они проезжали

в своей роскошной карете, и гадал, чем все это кончится, кто из них одержит победу. Мне хотелось, чтобы победил он, я бы помог ему ее убить, да! Но святые на сей раз ошиблись, ибо он умер, а эта ведьма получила все. О да! На этот раз Бог и холера совершили глупость.

Я слушал старого негодника с нарастающим отвращением и в то же время с некоторым любопытством. «С чего бы ему ненавидеть мою жену? – подумал я. – Разве только он и впрямь ненавидит молодость и красоту», – что, скорее всего, так и было. А если он видел меня так часто, как утверждает, то наверняка должен знать меня в лицо. Отчего же он теперь не узнал меня? Развивая эту мысль, я спросил:

– А каков он был из себя, этот граф Романи? Вы говорите, что он был симпатичным. А был ли он высоким или низким, брюнетом или блондином?

Откинув со лба непокорную седую прядь, старьевщик протянул вперед пожелтевшую, похожую на клешню руку, словно указывая на какое-то далекое видение.

– Красавец! – воскликнул он. – Смотреть на него – одно загляденье! Стройный, прямо как вы! И такой же высокий! И широкоплечий! Но глаза у вас запавшие и тусклые, а у него были огромные и сверкающие. У вас лицо бледное и осунувшееся, а у него оно было смуглое, круглое и пышущее здоровьем. Волосы у него были черные и блестящие, черные как смоль, а у вас, друг мой, – белее снега.

При его последних словах я в ужасе отшатнулся, словно от удара током! Неужели я так изменился? Возможно ли, чтобы ужасы одной проведенной в склепе ночи оставили на мне столь жуткий отпечаток? У меня белые волосы? У меня? Я ушам своим не верил. Если это так, возможно, Нина меня не узнает или даже придет в ужас от моего вида. Сам Гвидо может засомневаться, я ли перед ним. Хотя в этом случае мне нетрудно будет доказать, что я действительно Фабио Романи, – даже если придется показать склеп и свой взломанный гроб. Пока я прокручивал все эти мысли у себя в голове, старик продолжал бормотать:

– Ах, да, да! Он был прекрасным человеком, к тому же сильным. Я всегда восхищался его силой. Он мог сжать нежную шейку своей женушки большим и указательным пальцами и свернуть ее – вот так! Тогда бы она перестала ему врать. Мне хотелось, чтобы он это сделал, и я этого ждал. И, разумеется, он бы так и поступил, если бы остался жить. Вот почему мне жаль, что он умер.

Чудовищным усилием воли я взял себя в руки и постарался говорить со старым негодяем спокойно.

– А почему вы так ненавидите графиню Романи? – сурово спросил я. – Она сделала вам что-то плохое?

Он выпрямился, насколько смог, и посмотрел мне прямо в глаза.

– Слушайте, вы! – ответил он, растянув губы в злобной ухмылке. – Я вам расскажу, почему я ее ненавижу, да, расскажу, потому что вы мужчина, и мужчина сильный. Сильные мужчины мне по нраву – их иногда дураят женщины, это верно, – но потом они могут отомстить. Когда-то я тоже был сильным. А вы хоть и старый, но любите хорошую шутку, так что все поймете. Графиня Романи не сделала мне ничего плохого. Лишь однажды надо мной посмеялась. Это произошло, когда ее лошади сбили меня на улице. Я больно ударился, но увидел, как раздвинулись ее красные губы, обнажив сверкнувшие белоснежные зубки. У нее детская улыбка – любой вам скажет – и такая невинная! Меня подняли, ее карета покатила дальше. Мужа с ней не было – он бы повел себя по-другому. Но это не имеет значения, говорю вам: она рассмеялась, и тут я сразу заметил сходство.

– Сходство?! – нетерпеливо воскликнул я, потому что его рассказ меня раздражал. – Какое сходство?

– Между ней и моей женой, – ответил торговец, впери в меня свой жестокий взгляд, в котором закипала злоба. – О да! Я знаю, что такое любовь. А еще я знаю, что Бог имел очень малое отношение к сотворению женщины. Прошло много времени, прежде чем даже Он смог

отыскать Святую Деву. Да-да, я знаю! Говорю вам, что женился на создании прекрасном, как утро весной, с маленькой головкой, которая, казалось, склонялась, словно цветок, под тяжестью волос цвета солнечных лучей. А глаза! Как у младенца, когда тот глядит на тебя и просит его поцеловать. Однажды, вернувшись после отсутствия, я нашел ее безмятежно спящей... Да! На груди чернобрового уличного певца из Венеции, симпатичного такого парня и храброго, как молодой лев. Он увидел меня и вскочил, чтобы вцепиться мне в глотку. Я повалил его на пол и уперся коленом ему в грудь. Она проснулась и смотрела на нас, слишком испуганная, чтобы заговорить или закричать. Она лишь дрожала и тихонько стонала, как избалованный ребенок. Я посмотрел на ее любовника, распростертого у моих ног, и улыбнулся. «Тебя я не трону, – сказал я. – Если бы она не согласилась, не видать бы тебе победы. Тебя прошу лишь об одном – остаться здесь еще ненадолго». Он смотрел на меня, не говоря ни слова. Я связал ему руки и ноги так, чтобы он не смог пошевелиться. Потом взял нож и подошел к ней. Ее голубые глаза широко раскрылись и заблестели, она смотрела на меня умоляющим взглядом, заламывала свои маленькие ручки, дрожала и стонала. Я глубоко вонзил острое блестящее лезвие в ее нежное белое тело, ее любовник отчаянно вскрикнул, и кровь из ее сердца хлынула алым потоком, окрасив яркими пятнами ее белое одеяние. Она взмахнула руками и замертво рухнула на подушки. Я вытащил нож и разрезал связывавшую венецианца веревку. Потом протянул ему клинок.

«Возьми его на память о ней, – сказал я. – Через месяц она бы предала тебя так же, как предала меня».

Он бушевал как сумасшедший. Выбежал на улицу и позвал жандармов. Конечно же, меня судили за убийство. Но это не было убийством – это было правосудием. Судья отыскал смягчающие вину обстоятельства. Естественно! У него ведь тоже была жена. Он вник в мое дело. Теперь вы знаете, почему я ненавижу утонченную, увешанную драгоценностями женщину с виллы Романи. Она такая же, как та, которую я убил, у нее та же обволакивающая улыбка и детские глаза. Еще раз говорю вам: мне очень жаль, что ее муж умер, мне очень тяжело об этом думать. Поскольку он со временем тоже убил бы ее. Да! В этом я совершенно уверен!

Глава 6

Я с болью в сердце выслушал его рассказ, и словно ледяная волна пробежала у меня по жилам. А мне-то казалось, что все, кто видел Нину, должны обязательно любить ее и восхищаться ею. Правда, когда этого старика случайно сбили ее лошади (о чем она мне и словом не обмолвилась), она поступила невнимательно и несерьезно, не остановившись и не справившись о его самочувствии, но она была молода и беспечна, а потому не могла намеренно проявить бессердечность. Я с ужасом подумал о том, что она могла нажить себе врага в лице этого старого полунищего пройдохи, но ничего не сказал. Мне не хотелось себя выдавать. Он ждал от меня ответа, и мое молчание вызывало у него нетерпение.

– Вот скажите мне теперь, друг мой! – требовательно произнес он с каким-то детским пылом. – Разве я плохо отомстил? Сам Господь Бог не придумал бы лучшего!

– Думаю, ваша жена заслужила такую участь, – сухо ответил я. – Однако не могу сказать, что я восхищаюсь вами как убийцей.

Он стремительно двинулся на меня, подняв руки и принявшись отчаянно жестикулировать. Его голос взлетел до какого-то придушенного визга.

– Вы называете меня убийцей – ха-ха! Это хорошо. Нет-нет! Это она меня убила! Говорю вам, что я умер в ту секунду, когда увидел ее спящей в объятиях любовника, – она прикончила меня одним ударом. В меня вселился дьявол и свершил скорое отмщение. Тот самый дьявол и поныне живет во мне – отважный и сильный! Вот почему я не боюсь холеры: сидящий во мне дьявол отпугивает смерть. Когда-нибудь он меня оставит... – Тут его придушенные вопли сменились тихим и усталым бормотанием. – Да, он меня оставит, и я найду темный уголок, где смогу поспать. Теперь я сплю совсем мало.

Он посмотрел на меня с какой-то затаенной тоской.

– Понимаете, – почти мягко объяснил он, – у меня очень хорошая память, а когда думаешь о многом, то не уснуть. Прошло много лет, но каждую ночь я вижу ее. Она приходит ко мне, ломая свои крохотные белые ручки, глядит на меня голубыми глазами, и я слышу, как она стонет от ужаса. Каждую ночь, каждую ночь!

Он умолк и смущенно провел руками по лбу. Потом, словно очнувшись ото сна, уставился на меня так, будто только что увидел, а потом разразился негромким булькающим смехом.

– Что за штука, что за штука эта память! – пробормотал он. – Вот ведь чудно-то как! Знаете, я вспомнил былое и забыл о вас! Но я знаю, что вам нужно, – одежда, да, она вам очень нужна, а мне нужны деньги. Ха-ха! Так вы отказываетесь от прекрасного костюма английского милорда? Нет-нет! Я все понимаю. Я вам обязательно что-нибудь подберу – только терпение, терпение!

И он начал рыться среди множества вещей, небрежно сваленных в кучу на задах лавки. Во время этого занятия у него был такой отталкивающий и мрачный вид, что он напомнил мне старого стервятника, нависшего над падалью. И вместе с этим было в нем что-то жалкое. В каком-то смысле я испытывал к нему сочувствие: бедный пройдоха, наполовину лишившийся рассудка, проживший жизнь, полную злобы и горечи. Какие же разные у нас судьбы, подумал я. Мне выпала всего лишь одна ночь мучений, и каким пустяком она казалась по сравнению с его ежечасным раскаянием и страданием! Он ненавидел Нину за проявление легкомыслия. И, несомненно, она была далеко не единственной женщиной, чье существование вызывало у него раздражение. Скорее всего, он испытывал неприязнь ко всем женщинам. Я с жалостью смотрел, как он рылся в поношенной одежде, которая и была всем его товаром, и гадал, почему Смерть, так резво косившая самых сильных обитателей города, столь безжалостно миновала этого жалкого несчастного старика, для которого могила, конечно же, стала

бы самым желанным приютом и местом успокоения. Наконец он повернулся ко мне, ликуя, всплеснув руками.

– Вот, нашел! – воскликнул он. – Это вам придется в самый раз. Вы, часом, не ныряльщик за кораллами? Вам понравится одежда рыбака. Вот она: красный пояс, шляпа и остальное – все в отличном состоянии! Ее прежний хозяин был примерно одного с вами роста, так что на вас все прекрасно сядет. И посмотрите: холеры здесь и в помине нет, одежду насквозь пропитало море, она пахнет песком и водорослями!

Он расстелил передо мной вещи из грубой ткани. Я равнодушно посмотрел на них.

– А их бывший хозяин тоже убил свою жену? – с легкой улыбкой спросил я.

Пожилый старьевщик покачал головой и сделал растопыренными пальцами жест полного презрения.

– Нет! Он был дурак – убил себя.

– Это как же? Случайно или умышленно?

– Хе-хе! Он прекрасно знал, что делал. Это произошло всего два месяца назад. А все из-за одной темноглазой чертовки, которая живет и целыми днями веселится там, в Сорренто. Он долго плавал, привез ей жемчужное ожерелье на шею и заколки с кораллами для волос. Она обещала выйти за него замуж. Он только что сошел на берег, увидел ее на причале и предложил ей жемчуга и коралловые побрякушки. Она швырнула подарки ему в лицо и заявила, что он ей надоел. Вот так – и ни слова больше. Он пытался ее урезонить, но она разъярилась, как тигрица. Да, я стоял в небольшой толпе на причале и все видел. Ее темные глаза сверкали, она топала ногами и глядела на него, закусив губу, а ее грудь вздымалась так, словно вот-вот выпрыгнет из корсета. Она всего лишь рыночная торговка, а вот возомнила себя королевой. «Ты мне надоел! – крикнула она ему. – Убирайся! Видеть тебя больше не желаю». Он был высоким, стройным, сильным парнем, но вдруг закачался, лицо у него побледнело, губы задрожали. Он немного наклонил голову, развернулся, и никто даже не успел его остановить, как он спрыгнул с края причала прямо в волны, которые сомкнулись над ним. Выплыть он не пытался, просто камнем пошел ко дну. На следующий день его тело вынесло на берег, и я купил его одежду за два франка. Вам продам за четыре.

– А что случилось с девушкой? – спросил я.

– А-а, с ней? Она целыми днями веселится, я же вам говорил. Каждую неделю у нее новый любовник. Ей что за печаль?

Я вытащил кошелек.

– Я беру эту одежду, – сказал я. – Вы просите четыре франка, вот вам шесть, но за два сверху вы покажете мне укромное место, где я мог бы переодеться.

– Да-да, конечно! – Старик задрожал от алчного нетерпения, когда я отсчитал серебряные монеты и положил их в его морщинистую ладонь. – Что угодно за каприз щедрого незнакомца! Вот комнатка, где я сплю, ничего особенного, но там есть зеркало – *ее* зеркало, – единственное, что у меня от нее осталось. Сюда, сюда пожалуйста!

Он заторопился, спотыкаясь и цепляясь за беспорядочно разбросанные повсюду кучи одежды, едва не упав, открыл маленькую дверь, казавшуюся вырезанной в стене, и проводил меня в помещение, напоминавшее тесную кладовку, где стоял жуткий запах, а из мебели имела лишь убогая кровать с соломенным тюфяком и сломанный стул. Маленькое квадратное оконце пропускало достаточно света, чтобы увидеть все, что нужно, а рядом с окошком висело зеркало, вставленное в серебряную раму старинной работы. Я сразу понял, что это ценная вещь, хотя в само зеркало в тот момент взглянуть не решился. Старик с некоторой гордостью показал мне, что дверь в его тесное пристанище запирается изнутри.

– Я сам сделал замок с ключом и врезал его в дверь, – сказал он. – Глядите, как все красиво и надежно! Да, когда-то я был мастер в этом деле – это было моим ремеслом, – пока в то утро не увидел ее с певцом из Венеции. Тогда я забыл все, что знал, – это как-то само собой

ушло от меня, я так и не понял почему. Вот ваша одежда, не спешите, переодевайтесь себе, закройте дверь, комната в полном вашем распоряжении.

Он кивнул несколько раз, изображая дружелюбие, и оставил меня одного. Я сразу же последовал его совету и запер дверь. Затем медленно шагнул к висевшему на стене зеркалу и взглянул на свое отражение. Меня пронзила нестерпимая боль. Глаз у торговца оказался верным, он сказал все как есть. В зеркале отражался старик! Если бы даже я пережил двадцать лет страданий, то и они не смогли бы столь ужасно изменить мой облик. Болезнь иссушила мое лицо, испещрив его глубокими морщинами, глаза глубоко ввалились, и несколько диковатое их выражение свидетельствовало о пережитых мною в склепе ужасах. В довершение ко всему волосы мои сделались белоснежными. Теперь я понял испуг человека, утром продавшего мне виноград на обочине дороги: мой странный вид мог обескуражить и поразить любого. Я и в самом деле едва себя узнавал. Узнают ли меня моя жена и Гвидо? В этом я сильно сомневался. От этих мыслей мне стало так больно, что на глаза навернулись слезы. Я торопливо вытер их.

– Право же, Фабио! Будь мужчиной! – сердито сказал я себе. – В конце концов, какая разница, черные у тебя волосы или седые? Неважно, как меняется лицо, лишь бы сердце оставалось прежним. Возможно, на какое-то мгновение твоя любовь побледнеет, увидев тебя, но, когда она узнает о твоих страданиях, не станешь ли ты ей дороже прежнего? Разве одно ее нежное объятие не вознаградит тебя за все прежние мучения и не сделает вновь молодым?

Выведя себя таким образом из состояния подавленности, я быстро переоделся в наряд неаполитанского ныряльщика за кораллами. Брюки оказались очень просторными, и в них очень кстати нашлось два глубоких кармана, куда легко поместились кожаные мешочки с золотом и драгоценными камнями, которые я взял из разбойничьего гроба. Когда мой торопливый туалет был окончен, я снова посмотрел в зеркало, на сей раз чуть улыбнувшись. Я и вправду очень сильно изменился, но, в конечном итоге, выглядел не так уж и плохо. Яркий рыбацкий наряд прекрасно мне подошел. Красная шляпа лихо сидела на белоснежных кудрях, густо ниспадавших мне на лоб, а осознание становившегося все ближе счастья придавало моим запавшим глазам часть бывшего бесшабашного блеска. К тому же я знал, что мне недолго оставаться в столь измученном и жалком виде. Отдых и, возможно, перемена обстановки, несомненно, вернут моему лицу прежнюю округлость и свежесть, даже мои белоснежные кудри обретут свой первоначальный цвет – такое случалось. А если они так и останутся седыми? Что ж, есть многие, кто по достоинству оценит этот особый контраст между лицом молодого человека и волосами старика.

Закончив переодеваться, я отпер дверь душевой комнатки и позвал старьевщика. Он подошел, шаркая ногами и наклонив голову, но, приблизившись ко мне и подняв взгляд, восхищенно всплеснул руками и воскликнул:

– Пресвятая Дева! Какой же вы красавец – прямо загляденье! Эх-хех! Святой Иосиф! Какой рост, какая стать! Жаль, что вы старик, наверное, в молодости вы были недюжинной силы!

Полушутя, только чтобы подтрунить над его замечанием касательно моей физической силы, я до самого плеча закатал рукав куртки, небрежно бросив:

– О, что до силы, то во мне ее еще немало осталось! Сами видите.

Он уставился на меня, коснулся моей руки пожелтевшими пальцами и, словно вампир, стал с интересом и удивлением ощупывать мои мускулы и со слезливым, почти детским восхищением приговаривать, бормоча себе под нос:

– Чудесно, чудесно! Как железная, подумать только! Да, да. Вы легко могли бы убить любого. Ах, когда-то и я был таким же сильным. Умел как следует орудовать шпагой и саблей. Хорошо закаленным острым клинком я мог разрубить сложенный в семь раз кусок шелка, не оставив ни одной нитки. Да, как масло резал! Вы бы тоже так смогли, если бы захотели. Вся сила в руке – в верной руке, что убивает одним ударом.

Он пристально посмотрел на меня своими маленькими мутными глазками, словно ему не терпелось побольше узнать о моем характере и темпераменте. Я внезапно отвернулся от него и показал на брошенную мной прежнюю одежду.

– Знаете, – небрежно сказал я, – можете забрать ее себе, пусть она и стоит немного. Да, вот вам еще три франка за какие-нибудь носки и башмаки, которые, уверен, у вас для меня найдутся.

Старик в восторге стиснул руки и начал рассыпаться в льстивых благодарностях за неожиданную прибыль, призывая всех святых в свидетели того, что он сам и все закрома его лавки к услугам столь щедрого незнакомца. Он тотчас разыскал то, что я просил. Я обулся и встал, полностью экипированный и готовый отправиться к своему дому, когда мне заблагорассудится. Однако, увидев, насколько сильно я изменился, я решил не отправляться на виллу Романи днем, дабы не поразить жену своим внезапным появлением. Женщины – натуры очень чувствительные, и моя новая внешность могла бы вызвать у нее нервное потрясение, которое, возможно, возымело бы серьезные последствия. Я собрался выждать до захода солнца, после чего пойти домой известным мне обходным путем и постараться заговорить с одним из слуг. Я мог даже встретить своего друга Гвидо Феррари, и он бы постепенно донес до Нины радостное известие о моем возвращении с того света, таким образом подготовив ее к восприятию моего нового облика. Пока эти мысли проносились у меня в голове, старьевщик стоял рядом со мной, задумчиво склонив голову набок, и внимательно, словно ворон, смотрел на меня.

– Далеко путь держите? – с некоторой робостью спросил он.

– Да, – резко ответил я, – очень далеко.

Он положил руку мне на рукав, словно удерживая меня, и глаза его сверкнули недобрым огоньком.

– Скажите мне, – нетерпеливо пробормотал он, – скажите, я сохранию это в тайне. Вы направляетесь к женщине?

Я посмотрел на него сверху вниз, наполовину брезгливо, наполовину весело.

– Да, – тихо ответил я. – Я направляюсь к женщине.

Он рассмеялся беззвучным смехом – жутким смехом, от которого лицо его перекошилось, а тело судорожно задергалось.

Я бросил на него полный отвращения взгляд и, стряхнув его руку, шагнул к двери. Он торопливо засеменил за мной, смахивая слезы, навернувшиеся ему на глаза от только ему понятного смеха.

– Идете к женщине! – прокаркал он. – Ха-ха! Не вы первый, не вы последний – так уж повелось! Идете к женщине! Это хорошо, просто прекрасно! Идите к ней, идите! Вы сильный, и рука у вас твердая! Идите к ней, отыщите ее и – убейте! Да, да, вам это будет просто – проще простого! Идите и убейте ее.

Он стоял у низенькой двери, крича и показывая куда-то рукой. Его сторбленная фигура и злобное лицо напомнили мне о чертях-карликах Генриха Гейне, которые изображались накладывающими горящие угли на головы святых. Я равнодушно бросил ему «прощайте», но он не ответил. Я медленно зашагал прочь. Оглянувшись, я увидел, что он по-прежнему стоит на пороге своей полуразвалившейся лачуги, его жуткий рот продолжает гримасничать, а скрюченные пальцы рассекают воздух, словно он поймал кого-то невидимого и душит его. Я спустился по улочке и завернул за угол, выйдя на оживленный проспект. В ушах у меня звенели его последние слова: «Идите и убейте ее!»

Глава 7

Тот день казался мне бесконечно долгим, пока я бесцельно бродил по городу, почти не встречая знакомых лиц, поскольку те, кто побогаче, опасаясь холеры, или вовсе уехали из города, или оставались сидеть взаперти в своих домах. Куда бы я ни шел, повсюду виднелись ужасные последствия бушевавшей эпидемии. Почти на каждом углу мне попадались похоронные процессии. Как-то раз я наткнулся на группу людей, стоявших у открытой двери и пытавшихся затолкать покойника в слишком маленький для него гроб. Было нечто по-настоящему отвратительное в том, как они сгибали руки и ноги, сжимали плечи усопшего – было слышно, как хрустят кости. С минуту я смотрел на эти зверские издевательства, а потом сказал:

– Вы бы сначала убедились, что он и вправду мертв.

Гробовщик удивленно на меня посмотрел, кто-то засмеялся и выругался.

– Клянусь телом Господним, если бы я думал, что это не так, я бы сам свернул его проклятую шею! Но холера не промахивается, так что он точно мертв. Вот, глядите! – И он постучал головой покойника о стенки гроба без малейшего сожаления, как если бы это было простое полено.

От всего этого меня затошнило, я отвернулся и ничего не ответил. Дойдя до одной из главных улиц, я заметил людей, нетерпеливо и смущенно поглядывавших друг на друга и тихонько переговаривавшихся. До меня долетел чей-то шепот:

– Король! Король!

Все головы дружно повернулись в одну сторону. Я остановился и тоже посмотрел туда. И тут я увидел Умберто Итальянского, бесстрашного монарха, кем подданные бесконечно восхищались, неспешно шагавшего в окружении нескольких придворных с серьезными лицами и четкой выправкой. Он обходил самые грязные и заброшенные уголки города, где холера бушевала с наибольшей силой, и защищался от заразы лишь сигаретой во рту. Он шагал легкой и уверенной поступью героя, лицо его отягощала грусть, словно страдания его народа глубоко отдавались в его добром сердце. Я почтительно обнажил голову, когда он проходил мимо, и его внимательный и добрый взор с улыбкой задержался на мне.

– Вот объект, достойный кисти художника, седовласый рыбак! – услышал я его слова, сказанные кому-то из свиты.

Я едва не выдал себя, совсем было собравшись выбежать вперед, броситься ему в ноги и поведать свою историю. Мне казалось жестоким и противоестественным, что он, мой возлюбленный государь, пройдет мимо, не узнав меня – меня, с кем столь часто и милостиво беседовал. Ведь, когда я приезжал в Рим, что обычно случалось ежегодно, на балах в Квиринальском дворце можно было увидеть не много почетных и желанных гостей, которые могли бы сравниться с графом Фабио Романи. Я задался глупым вопросом: кто же такой этот Фабио Романи? Похоже, известного всем галантного весельчака больше не существовало – его место занял «седовласый рыбак». Но, хоть я и думал о таких вещах, я удержался от того, чтобы обратиться к королю. Однако, движимый внезапным порывом, последовал за ним на почтительном расстоянии, как это сделали другие. Его Величество шел по наиболее пораженным мором улицам с такой беззаботностью, словно наслаждался прогулкой по розовому саду. Он спокойно заходил в самые грязные лачуги, где мертвые лежали вперемешку с умирающими. Он говорил добрые и ободряющие слова убитым горем и ужасом скорбящим, которые сквозь слезы с удивлением и благодарностью смотрели на своего монарха. Серебро и золото тихонько передавалось в руки измученных страданиями бедняков, а наиболее тяжело пострадавшие удостоивались личного внимания королевских казначеев и немедленной помощи. Матери с детьми на руках преклоняли колени и просили монаршего благословения, которое, желая их утешить, он воздавал со скромной заминкой, словно считал себя недостойным, и в то же время с бесконечно трога-

тельной отеческой нежностью. Одна темноволосая девушка с безумным взглядом бросилась на землю прямо у его ног, поцеловала его сапоги и торжествующе выпрямилась во весь рост.

– Я спасена! – вскричала она. – Холере не дано идти одной дорогой с королем!

Умберто улыбнулся и посмотрел на нее так, как снисходительная мать может посмотреть на избалованную дочь, но ничего не сказал и двинулся дальше. Внимание монарха привлекла группа мужчин и женщин, стоявших у открытой двери бедной лачуги. Они о чем-то громко спорили между собой. Два или три гробовщика ругались и извергали проклятия, несколько женщин плакали навзрыд, а в центре стоял прислоненный к стене гроб, словно дожидаясь того, кого туда положат. Кто-то из свиты короля вышел вперед и возвестил о его приближении, после чего перебранка смолкла, мужчины обнажили головы, а женщины уняли рыдания.

– Что здесь происходит, друзья мои? – чрезвычайно участливо спросил монарх.

На мгновение воцарилось молчание. Гробовщики казались угрюмыми и пристыженными. Затем одна женщина с пухлым добродушным лицом и покрасневшими от слез глазами вышла вперед и заговорила:

– Да благословит Ваше величество Пресвятая Дева и все святые угодники! – воскликнула она. – А что до происходящего, то все бы устроилось, ели бы эти бессовестные свиньи, – тут она указала на гробовщиков, – не докучали нам. Они скорее человека убьют, чем подождут час, всего часок! Девушка скончалась, Ваше величество, а Джованни – вот бедный парень! – все никак от нее не отступится. Вцепился в нее обеими руками. О, Пресвятая Дева! Подумать только! Она умерла от холеры, а он, что бы мы ни делали, не желает с ней расставаться, они же приехали, чтобы забрать ее тело для похорон. А ведь если мы его, бедняжку, оттащим силой, то он уж точно помешается. Всего часок, Ваше величество, один часок, потом придет преподобный отец, и ему удастся уговорить Джованни скорее, чем нам.

Король повелительным жестом поднял руку – стоявшие расступились перед ним – и вошел в жалкую лачугу, где лежало тело, ставшее причиной ссоры. Свита последовала за ним, я тоже нашел себе местечко в уголке у самой двери. Открывшаяся взорам вошедших сцена была столь ужасной и жалкой, что не многие могли бы безучастно смотреть на нее. Сам Умберто Итальянский обнажил голову и остановился в молчании. На убогой кровати лежало тело девушки в самом расцвете юности. Ее нежная красота еще оставалась не тронутой обезображивающей рукой постигшей ее смерти. Можно было бы подумать, что она спит, если бы не окоченевшие конечности и не восковая бледность лица и рук. Прямо поперек ее тела, почти закрывая его собой, лежал безжизненно рухнувший на него человек. Его можно было бы тоже принять за мертвого, если бы не слабые признаки жизни, которые он подавал. Его руки крепко обнимали тело девушки, а лицо было спрятано на холодной груди, которая уже никогда не отзовется на его нежные ласки. Прямой солнечный луч, словно золотистое копье, пробивался в полутемную комнатенку и освещал всю эту сцену: распростертое на кровати тела, величественную, исполненную сочувствия фигуру короля и любопытные лица стоявших вокруг людей.

– Вот видите! Так он здесь и лежит со вчерашнего вечера, когда она умерла, – прошептала заговорившая с королем женщина. – А руки он сцепил, как железный капкан – даже пальцы разжать не можем!

Король шагнул вперед и тронул несчастного влюбленного за плечо. Его голос, исполненный удивительной мягкости, прозвучал в ушах окружающих прекрасной музыкой:

– Сын мой!

Ответа не последовало. Женщины, тронутые простыми и проникновенными словами короля, принялись тихонько всхлипывать, и даже мужчины тайком вытерли глаза. Король снова заговорил:

– Сын мой! Я – твой король. Разве ты меня не поприветствуешь?

Юноша поднял голову, покоившуюся на груди возлюбленной, и пустыми глазами уставился на обратившуюся к нему августейшую особу. Его осунувшееся лицо, спутанные волосы

и безумный взгляд придавали ему вид человека, который долго блуждал в лабиринте жутких видений, откуда не было иного выхода, кроме самоубийства.

– Дай мне руку, сын мой! – продолжил король властным голосом.

Очень медленно, с огромной неохотой, словно его принуждала к действию некая магнетическая сила, которой он не мог противостоять, Джованни отнял руку от мертвого тела, которое столь упрямо обнимал, и протянул ее королю, как тот велел. Умберто крепко сжал ее в своей, удержал там на мгновение, посмотрел бедняге прямо в глаза и произнес поразительно спокойно и просто:

– В любви нет смерти, мой друг!

Их взгляды встретились, застывшие губы молодого человека разжались и, вырвав ладонь из королевской десницы, он разразился бурными рыданиями. Умберто тотчас обнял его своей монаршей рукой и с помощью одного из придворных поднял с кровати, после чего вывел из комнаты – юноша не сопротивлялся, сделавшись послушным, словно ребенок, хоть и продолжал судорожно всхлипывать. Рыдания сохранили ему рассудок и, вероятно, даже жизнь. Негромкие восторженные аплодисменты сопровождали доброго короля, когда тот шел сквозь небольшую толпу людей, ставших свидетелями происходившего. Поблагодарив их легким изящным поклоном, он вышел из лачуги и сделал знак гробовщикам, по-прежнему ждавшим снаружи, приступать к их скорбной работе. Затем двинулся дальше, сопровождаемый восторженными благословениями и восхвалениями, которых мог бы удостоиться завоеватель, вернувшийся с трофеями после сотни выигранных сражений.

Я смотрел вслед его удалявшейся фигуре, пока она не скрылась из виду, и чувствовал, что само присутствие героя, человека, который был «королем от головы до ног»², придало мне сил. Да, я роялист. Под властью такого государя мало кто из здравомыслящих людей придерживался бы иных взглядов. Однако, будучи убежденным роялистом, я приложил бы все усилия, дабы способствовать низвержению и смерти тирана, будь он хоть трижды коронован! Не многие монархи могут сравниться с Умберто Итальянским – даже сейчас я вспоминаю о нем с теплотой в сердце, и после всех перенесенных мною страданий его образ предстает как высшее воплощение Благодатной Силы, окруженное светлым сиянием бескорыстной доброты – сиянием, которым Италия освещает свой дивный лик, вновь улыбаясь той прежней своей улыбкой, как в счастливейшие дни величайшего могущества, когда сыны ее вознеслись высоко лишь потому, что были искренни. Изъян современного общественного устройства состоит в том, что мы не вкладываем душу в то, что делаем. Мы редко любим работу как таковую и выполняем ее, лишь чтобы что-то за нее получить. В этом и кроется секрет всех неудач. Дружья едва ли станут радеть друг о друге, если не смогут также порадеть и о своих интересах. Верно, существуют исключения из этого правила, но таких людей называют глупцами.

Как только король скрылся из виду, я также покинул место вышеупомянутого происшествия. У меня появилось желание зайти в трактир, где мне стало плохо, и после несколько затянувшихся поисков я нашел его. Дверь была открыта. Я увидел толстого хозяина, Пьетро, перетиравшего стаканы, словно он все время только этим и занимался. В углу стояла та же скамья, на которую меня положили и на которой, как все полагали, я умер. Я вошел, хозяин поднял взгляд и поздоровался со мной. Я ответил на его приветствие и заказал кофе и булочки. Беззаботно усевшись за столик, развернул газету, пока он суетился, обслуживая меня. Пьетро смахнул со стола пыль и, вытирая чашку с блюдцем, отрывисто спросил:

– Долго плавали, приятель? Хороший улов?

Я на мгновение смутился, не зная, что ответить, но потом, собравшись с духом, ответил утвердительно.

– А что у вас? – веселым тоном поинтересовался я. – Как холера?

² Цитата из пьесы У. Шекспира «Король Лир». – *Примеч. ред.*

Хозяин печально покачал головой.

– Святой Иосиф! И не говорите! Люди мрут как мухи. Вот только вчера – клянусь Бахусом! – кто бы мог подумать? – Он глубоко вздохнул, наливая мне горячий кофе, и еще печальнее покачал головой.

– Так что же случилось вчера? – спросил я, хотя прекрасно знал, что он мне ответит. – Я в Неаполе совсем чужой и не знаю здешних новостей.

Вспотевший Пьетро уперся толстым большим пальцем в мраморную столешницу и принялся задумчиво выводить на ней узоры.

– Вы никогда не слышали о богатом графе Романи? – поинтересовался он.

Я отрицательно покачал головой и уткнулся взглядом в чашку с кофе.

– Ах, ну да! – продолжил он, тихонько вздохнув. – Это уже неважно, нет больше никакого графа Романи. Все кончено – раз и навсегда! Но он был богат – говорят, как сам король, – а вот видите, как святые его низвергли! Брат Чиприано из ордена бенедиктинцев принес его сюда вчера утром – его поразила холера, – и через пять часов он умер. – Тут хозяин таверны прихлопнул комара. – Да! Умер, как вот этот кровосос! Да-да, он лежал на деревянной скамье напротив вас. Похоронили его еще до заката. Прямо какой-то кошмарный сон.

Я сделал вид, что всецело поглощен разрезанием булочки и намазыванием на нее масла.

– Не вижу в этом ничего особенного, – равнодушно произнес я. – То, что он был богат, ничего не значит: богатые и бедные умирают одинаково.

– Правда, святая правда, – согласился Пьетро, снова вздохнув, – ведь все его богатство не спасло благочестивого Чиприано.

Я вздрогнул, но быстро взял себя в руки.

– О чем это вы? – спросил я как можно равнодушнее. – Вы говорите о каком-то святом?

– Ну, пусть его и не причислили к их лику, но он этого заслуживает, – ответил хозяин. – Я говорю о святом отце-бенедиктинце, который принес сюда умирающего графа Романи. Ах, а ведь он и не знал, что Господь вскоре приберет и его самого!

Я почувствовал, как у меня защемило сердце.

– Он умер?! – воскликнул я.

– Умер, как мученик! – ответил Пьетро. – По-моему, он заразился холерой от графа, поскольку ухаживал за ним до самого конца. Да, он окропил его тело святой водой и в гроб вместе с ним положил свое распятие. Потом отправился на виллу Романи, взяв с собой ценные вещи графа – часы, кольцо и портсигар. Он не мог успокоиться, пока самолично не отдал их молодой графине, сообщив ей, как скончался ее муж.

«Бедная моя Нина!» – подумал я.

– И сильно она опечалилась? – поинтересовался я с некоторой долей любопытства.

– Откуда я знаю? – произнес хозяин, пожав пухлыми плечами. – Святой отец ничего не сказал, разве что она упала в обморок. И что с того? Женщины от всего падают в обморок – от мыши до трупа. Как я сказал, достопочтенный Чиприано проследил за похоронами графа и едва оттуда вернулся, как занемог от болезни. А сегодня утром он умер в монастыре – да упокоится душа его с миром! Я всего лишь час как об этом узнал. Да! Святой был человек! Он обещал мне теплый уголок в раю, и я знаю, что он сдержит свое слово так же твердо, как сам святой Петр.

Я отодвинул нетронутую еду. Она вызывала у меня отвращение. Я готов был оплакивать этого благородного смиренного человека, пожертвовавшего своей жизнью ради других. Одним героем стало меньше в этом мире трусливых и малодушных людишек! Я сидел молча, погруженный в печальные мысли. Хозяин бросил на меня любопытный взгляд.

– Вам не нравится кофе? – наконец спросил он. – Или аппетита нет?

Я заставил себя улыбнуться.

– Нет, ваши слова способны отбить даже самый сильный аппетит у любого, родившегося на этих берегах. И вправду, Неаполь развлекает приезжих лишь печалью. Здесь больше нечего услышать, кроме разговоров о мертвых и умирающих?

Лицо Пьетро приняло почти виноватый вид.

– Да, и то верно! – послушно согласился он. – Мало о чем еще говорят. Но что поделать, друг мой? Это все холера, и на все воля Божья.

Когда он произносил эти последние слова, я заметил человека, неспешно шедшего мимо двери трактира. Это был Гвидо Феррари, мой друг! Я бросился было к выходу, чтобы заговорить с ним, но что-то в его взгляде и манере держаться охладило мой пыл. Он шел очень медленно, покуривая сигару, на губах у него играла улыбка, а в петлице пиджака красовалась недавно сорванная роза сорта «Слава Франции», похожая на те, что во множестве росли на верхней террасе моей виллы. Я проводил его пристальным взглядом, с чувством некоторого потрясения. Он выглядел совершенно счастливым и умиротворенным, даже более счастливым, чем я когда-либо его видел. А ведь... А ведь я, как ему было известно, я, его лучший друг, умер лишь вчера! И с таким свежим горем он улыбался, как человек, идущий на праздник, да еще с алой розой в петлице, что уж никак не могло быть признаком траура! На мгновение меня пронзила острая боль, но в следующую секунду я посмеялся над своей чувствительностью. В конце концов, что значили эта улыбка и роза? Человек не всегда в ответе за выражение своего лица, а что до цветка, он мог сорвать его по пути, не думая. Или, что еще более вероятно, его могла вручить ему моя дочь Стелла – в этом случае он вставил розу в петлицу, чтобы порадовать ее. На его лице не было печати горя? Верно! Но посудите сами: ведь я умер только вчера! Времени оказалось явно недостаточно, чтобы соблюсти все внешние приличия, которые сопровождают траур, однако никоим образом не свидетельствуют об искренности чувств. Довольный своими логичными рассуждениями, я не стал пытаться следовать за Гвидо, позволив ему идти своей дорогой, не ведая о моем существовании. Подожду до вечера, решил я, вот тогда все и разъяснится.

Я повернулся к хозяину.

– Сколько я вам должен? – спросил я.

– Сколько сами решите, друг мой, – ответил он. – Я никогда с рыбаков много не брал, но времена нынче тяжелые, и мне, возможно, окажется нечего предложить вам на завтрак. Многие годы я проявлял снисходительность к людям вашего ремесла, и почтенный Чиприано, покинувший нас, говаривал, что святой Петр мне это зачтет. Мадонна и вправду особенно благосклонна к тем, кто снисходителен к рыбакам, поскольку все святые апостолы были из них, а я бы не хотел лишиться ее покровительства. И все же...

Я рассмеялся и бросил ему франк. Он сразу же спрятал его в карман, и глаза его сверкнули.

– Хотя вы и на полфранка не заказали, – признался он с несвойственной неаполитанцам честностью, – но святые вам за это воздадут, будьте покойны!

– Уверен! – весело ответил я. – Прощайте же, друг мой! Желаю процветания вашему заведению, и да благоволит вам Пресвятая Богоматерь!

На это пожелание, являвшееся, как я знал, общепринятым среди сицилийских моряков, добрый Пьетро ответил с дружеской сердечностью, пожелав мне удачи в следующем плавании. Затем он снова принялся перетирать стаканы, а я провел остаток дня в прогулках по самым пустынным улицам города. Я с нетерпением ждал, пока небо окрасится багрянцем заката, который, словно огромное победное знамя, станет сигналом моего благополучного возвращения к любви и счастью.

Глава 8

И вот, наконец, наступил благословенный и долгожданный вечер. Подул легкий ветерок, остужая от дневного зноя раскаленный воздух и принося с собой ароматы тысяч цветов. Небеса засияли царственной пышностью закатных красок, и неподвижный, словно зеркало, залив отражал все это великолепие оттенков с ослепительным блеском, еще более усиливая и без того волшебное очарование вечерней зари. Кровь моя бурлила от страстного желания, однако я сдерживал себя. Я ждал, когда солнце погрузится в застывшее зеркало вод, когда ослепительное сияние, сопровождающее его закат, померкнет и превратится в размытый небесный отсвет, напоминающий тонкие покровы, ниспадающие с еле видимых силуэтов парящих ангелов, когда желтый край полной луны неспешно поднимется из-за края горизонта. Затем, больше не сдерживая нетерпение, зашагал по знакомой тропинке, поднимавшейся к вилле Романи. Сердце выпрыгивало у меня из груди, руки и ноги дрожали от волнения, шаг сделался сбивчивым и торопливым, и этот путь показался мне длинным как никогда.

Наконец я дошел до больших ворот. Они были наглухо заперты, а скульптуры львов по краям с подозрением глядели на меня. Я слышал доносившиеся из-за ограды плеск и журчание воды в фонтанах, и при каждом вдохе до меня долетали ароматы роз и мирта. Наконец-то я дома! Я улыбнулся, все мое тело дрожало от восторга и сладостного предвкушения. Я не намеревался входить через парадные ворота и удовольствовался лишь тем, что бросил на них долгий умиленный взгляд, после чего повернул налево, к небольшой калитке, ведущей к тропинке, обсаженной вечнозелеными дубами и соснами вперемешку с апельсиновыми деревьями. Это было любимым местом моих прогулок отчасти из-за приятной тени, царившей там даже в самый жаркий полдень, отчасти оттого, что там, кроме меня, редко появлялся кто-то из домочадцев и слуг. Иногда меня сопровождал Гвидо, но чаще я заходил туда один, и мне нравилось прогуливаться в тени деревьев, читая любимую книгу или же предаваясь размышлениям на возвышенные темы. Тропинка вела к заднему двору виллы, и, ступив на нее, я решил, что осторожно подойду к дому и с глазу на глаз переговорю с Ассунтой, няней, ухаживавшей за маленькой Стеллой, которая к тому же была старой проверенной служанкой, на чьих руках моя матушка испустила последний вздох.

Под мрачный шелест темных деревьев я быстро и в то же время мягко шагал по знакомой, поросшей мхом тропинке. Вокруг было очень тихо, лишь изредка соловьи выдавали свои мелодичные трели, после чего внезапно замолкали, словно объятые благоговейным страхом перед тенями тяжелых переплетавшихся ветвей, сквозь которые пробивались лучики лунного света, выписывая на земле странные и затейливые узоры. Стайка светлячков вспорхнула с лаврового куста и засверкала в воздухе, словно выпавшие из королевского венца драгоценные камни. В воздухе витали едва уловимые ароматы, долетавшие от ветвей апельсиновых деревьев и кустов белого жасмина.

Я прибавил шаг, настроение мое все поднималось по мере приближения к цели. Меня переполняли сладостное ожидание и страстное нетерпение, мне хотелось как можно скорее заключить Нину в свои объятия, посмотреть в ее дивно сверкающие любящие глаза. Мне не терпелось пожать руку Гвидо, а что до Стеллы – я знал, что в этот час малышка уже спит, однако, считал я, ее нужно будет разбудить, чтобы она увидела меня. Я чувствовал, что счастье мое будет неполным, пока я не поцелую ее ангельское личико и не коснусь ее чудесных золотистых локонов.

Но тише! Что это? Я остановился как вкопанный, словно схваченный невидимой рукой, и прислушался. Что это за звуки? Не переливы ли это веселого и сладкого смеха? Я задрожал всем телом. То был столь знакомый мне серебристый смех моей жены. Сердце у меня упало, и я стоял, не зная, что делать. Она могла вот так смеяться, считая, что я мертв, погиб и навсегда

для нее потерян?! Внезапно я заметил мелькнувшее за деревьями белое платье и, повинувшись безотчетному порыву, тихонько шагнул в сторону, спрятавшись за плотным покровом листвы, откуда мог все видеть, оставаясь незамеченным. Звонкий смех снова нарушил тишину, и его беззаботность, словно острым кинжалом, пронзила мой разум! Она была счастлива, даже веселилась, с радостным сердцем гуляя здесь при свете луны, в то время как я... Я ожидал найти ее запертой в четырех стенах своей комнаты или же преклонившей колени в небольшой часовне перед образом Скорбящей Мадонны и слезно молящейся об упокоении моей души! Да, я ожидал именно этого – мы, мужчины, превращаемся в глупцов, когда любим! Внезапно меня поразила жуткая мысль. Не сошла ли она с ума? Неужели потрясение и горе из-за моей скоропостижной смерти помutilи ее нежный разум? Бродила ли она, бедное дитя, словно Офелия, не сознавая, куда идет, и не была ли ее мнимая веселость лишь плодом фантазий помутненного рассудка? Я содрогнулся от одной мысли об этом и, слегка раздвинув скрывавшие меня ветви, тревожно огляделся по сторонам.

Ко мне медленно приближались две фигуры: моя жена и мой друг Гвидо Феррари. Ну, в этом не было ничего особенного, так и должно быть – разве Гвидо не был мне как брат? Он почти обязан в меру сил и возможностей утешать и поддерживать Нину. Но что это, что?! Не подвело ли меня зрение? Она лишь опиралась о его руку, чтобы не упасть? Или... С моих уст сорвалось проклятие, скорее напоминавшее мучительный стон! О господи, лучше бы я умер! Лучше бы я так и не открыл гроб, где покоился с миром! Что такое смерть, что такое пережитые мной в склепе ужасы по сравнению с обрушившимися на меня в тот миг страданиями? Память о них до сих пор жжет меня неугасимым огнем, и рука моя непроизвольно сжимается, стараясь прогнать прочь жгучую горечь тех мгновений! Не знаю, как я обуздал охватившую меня кровожадную свирепость, как мне удалось заставить себя оставаться неподвижным и безмолвным в своем укрытии. Но я совладал с собой. Я до конца досмотрел эту жалкую комедию и безмолвно взирал на то, как меня предавали! Я видел, как мою честь словно стальным клинком пронзили те, кому я верил больше всех, и все же ничем себя не выдал!

Они – Гвидо Феррари и моя жена – так близко подошли к моему убежищу, что я видел каждый их жест и слышал каждое произнесенное ими слово. Они остановились в трех шагах от меня. Его рука обвивала ее талию, а она небрежно обнимала его за шею, положив голову ему на плечо. Именно так она тысячу раз прогуливалась со мной! Она была одета во все белое, не считая яркого пятна около сердца – там красовалась роза, алая, как кровь. Цветок удерживала булавка с бриллиантами, сверкавшими в лунном свете. У меня в голове мелькнула дикая мысль, что вместо розы должна алеть настоящая кровь, а на месте булавки должен торчать кинжал! Но оружия при мне не было, и я молча смотрел на нее сухими глазами. Она была прекрасна, восхитительно прекрасна! Ни следа горя не отражалось на ее дивном лице, глаза ее, как и прежде, смотрели томным, ясным и нежным взором, губы осеняла детская улыбка, такая невинная и доверчивая! Она заговорила, и – о Боже! – от ее низкого чарующего голоса у меня голова пошла кругом и сердце екнуло в груди.

– Ах, глупый Гвидо! – мечтательно-шутливо произнесла она. – Вот интересно, что бы случилось, если бы Фабио не умер так своевременно.

Я с нетерпением ждал ответа. Гвидо тихонько рассмеялся.

– Он бы никогда ничего не узнал. Ты для него слишком умна, крошка моя! К тому же его спасало собственное тщеславие, он был столь высокого о себе мнения, что никогда бы и не помыслил, что ты можешь оказаться равнодушной к другому мужчине.

Моя жена – безупречный алмаз женской верности – вздохнула с едва заметным волнением.

– Я рада, что он умер, – пробормотала она, – однако, мой милый Гвидо, ты так неосторожен. Теперь тебе нельзя столь часто навещать меня: пойдут разговоры среди слуг! И потом,

мне нужно по крайней мере полгода соблюдать траур, а еще нужно обдумать множество других вещей.

Пальцы Гвидо перебирали драгоценное ожерелье, висевшее у нее на шее. Он наклонился и поцеловал то место, где располагался самый большой камень. «Еще, еще разок, сударь мой, прошу вас! Пусть угрызения совести не помешают вашему заслуженному удовольствию! Покройте лобзаниями эту белую плоть – она же принадлежит всем! Десятком поцелуев больше или меньше – не имеет значения!» – Такие безумные мысли одолевали меня, затаившегося за деревьями, а звериная ярость заставляла кровь стучать в висках сотней молотков.

– Более того, любовь моя, – ответил он ей, – мне почти жаль, что Фабио умер! Пока он был жив, он превосходно играл роль защитной завесы: сам того не осознавая, являлся надежным хранителем правил поведения и морали для нас обоих, да таким, что лучше и придумать нельзя!

Закрывавшие меня ветви чуть хрустнули и зашелестели. Моя жена вздрогнула и тревожно огляделась по сторонам.

– Тише! – нервно сказала она. – Его лишь вчера похоронили, и говорят, что иногда появляются призраки. Да еще эта тропинка – жаль, что мы сюда пришли: он так любил здесь гулять. К тому же, – с легким оттенком сожаления добавила она, – он ведь все-таки отец моего ребенка, и тебе надо об этом подумать.

– Господи Боже! – с жаром воскликнул Гвидо. – Разве я об этом не думаю? Да! И проклинаю его за каждый поцелуй, что он украл с твоих губ!

Я слушал в каком-то оцепенении. Вот новая фаза развития семейного кодекса! Мужья объявлялись ворами: они «крали» поцелуи, и лишь объятия любовников считались честными! Ах, мой дорогой друг, мой более чем брат, как же в то мгновение ты был близок к смерти! Видел бы ты мое мертвенно-бледное лицо, глядевшее на тебя из-за темных ветвей, знал бы ты, какая ярость во мне бушевала, – ты бы за свою жизнь и гроша ломаного не дал!

– Почему ты за него вышла? – спросил он после недолгого молчания, во время которого поигрывал белокурыми локонами, ниспадавшими ей на грудь.

Она взглянула на него, недовольно надув губы, и пожала плечами.

– Почему? Потому что я устала от монастыря и всех этих тупых, возвышенных наставлений монахинь. А еще потому, что он был богат, а я – ужасно бедна. Ненавижу бедность! К тому же он меня любил. – В ее глазах промелькнуло зловещее торжество. – Да, он просто с ума по мне сходил, и...

– А ты его любила? – почти свирепо спросил Гвидо.

– Ну да! – ответила она, сделав выразительный жест. – Наверное – неделю-другую. Так, как вообще любят мужа! Иначе зачем выходить замуж? Ради комфорта, денег, положения. Он мне все это дал, как ты знаешь.

– Значит, ты ничего не выиграешь, выйдя за меня, – ревнивым голосом заметил он.

Она рассмеялась и коснулась его губ маленькой белой ручкой, униженной кольцами.

– Конечно нет! К тому же разве я говорила, что выйду за тебя? Ты прекрасно меня устраиваешь как любовник, но в остальном – совсем не уверена! И теперь я свободна, могу поступать как захочется. Хочу наслаждаться свободой и...

Она не смогла закончить фразу, потому что Феррари притянул ее к своей груди и сжал как в тисках. Лицо его загорелось страстью.

– Послушай, Нина, – хрипло произнес он, – не надо со мной играть, видит Бог, не надо! Я уже достаточно от тебя натерпелся, Бог свидетель! Когда я впервые увидел тебя в день свадьбы с бедным глупцом Фабио, я влюбился в тебя до безумия, да, до грехопадения, как мне тогда казалось, но нисколько в этом не раскаиваюсь. Я знал, что ты женщина, а не ангел, и ждал своего часа. Он настал, я нашел тебя и поведал тебе историю своей любви, когда не исполнилось еще и трех месяцев твоей семейной жизни. И увидел, что ты хочешь, готова – нет, жаждешь

меня выслушать. Ты манила меня, знаешь, что манила! Ты искушала меня прикосновениями, взглядами и словами, ты дала мне все, что я искал! Зачем теперь искать оправдания? Ты мне такая же жена, какой была Фабио. Нет, даже больше, ведь ты меня любишь – по крайней мере, так говоришь, – и хотя ты лгала своему мужу, не смей лгать мне. Предупреждаю тебя, не смей! Я никогда не жалел Фабио, никогда. Его было слишком легко обмануть, а женатый мужчина не имеет других прав, кроме как мучиться подозрениями и всегда быть начеку. Если он ослабит бдительность, ему останется винить лишь самого себя, когда его честь пойдет по рукам, словно мячик, которым играют дети. Повторяю тебе, Нина, ты принадлежишь мне, и клянусь, что тебе от меня никуда не деться!

Эти пылкие слова стремительно срывались с его губ, и в его глубоком мелодичном голосе, когда он раздавался в вечерней тишине, слышались дерзкие нотки. Я горько улыбнулся, услышав все это!

Нина, казалось, рассердилась и попыталась высвободиться из его объятий.

– Пусти меня, – сказала она. – Мне больно, слышишь, больно!

Он тотчас же отпустил ее. От его страстных объятий роза у нее на груди смялась, и алые лепестки медленно упали к ее ногам. Глаза ее возмущенно сверкнули, а безупречно прямые брови нахмурились. Она молча отвела от Гвидо холодный презрительный взгляд. Что-то в ее реакции больно его укололо: он ринулся вперед, схватил ее руку и принялся покрывать ее поцелуями.

– Прости меня, моя дорогая! – покаянно воскликнул он. – У меня и в мыслях не было тебя упрекать. Ничего не поделаешь с тем, что ты красавица. В том, что ты такая, виноваты Бог или дьявол, они виновны в том, что твоя красота сводит меня с ума! Ты – владычица моего сердца и моей души! О, дорогая моя Нина, давай не будем тратить слова на бесполезный гнев. Подумай только, мы свободны. Свободны! Свободны сделать жизнь долгим сном наслаждения, более совершенного, чем ведают ангелы! Величайшее благо, которое только могло нам выпасть, – это смерть Фабио, и теперь, когда мы всецело принадлежим друг другу, не будь ко мне жестока! Нина, прояви ко мне милосердие, ведь из всех мирских вещей любовь, несомненно, лучшая!

Она улыбнулась надменной улыбкой молодой императрицы, помиловавшей провинившегося подданного, и позволила ему снова заключить себя в объятия, на этот раз более нежные. Она потянулась губами навстречу ему, и я смотрел на то словно во сне! Я видел, как они прижались друг к другу, и каждый их поцелуй становился свежей раной на моей истерзанной душе.

– Какой же ты глупенький, милый мой Гвидо, – ворковала она, надув губы и легонько лаская унизанными кольцами пальцами его курчавые волосы. – Какой пылкий и какой ревнивый! Сколько раз я говорила, что люблю тебя! Ты разве не помнишь тот вечер, когда Фабио сидел на балконе, читая этого своего Платона, вот бедняга... – Тут она мелодично рассмеялась. – А мы пытались в гостиной петь дуэтом? Разве я тогда не сказала, что люблю тебя больше всего на свете? Ты же знаешь, что сказала! И должен этим довольствоваться!

Гвидо улыбнулся и погладил ее золотистые локоны.

– Я довольствуюсь, – ответил он без следа прежнего страстного нетерпения, – довольствуюсь целиком и полностью. Но не жди любви без ревности. Фабио никогда тебя не ревновал, я точно знаю, он слишком слепо тебе доверял и ровным счетом ничего не знал о любви, уж поверь! Он больше думал о себе, чем о тебе. Человек, который на несколько дней в одиночку отправляется путешествовать на яхте, предоставляя жену самой себе, человек, читающий Платона, вместо того чтобы заботиться о ней, – такой человек сам выбирает свою судьбу и заслуживает того, чтобы его причислили к мудрым, но совершенно безмозглым философам, для которых Женщина всегда остается неразрешенной загадкой. Что до меня – я ревную тебя к земле, по которой ты ступаешь, и к воздуху, который тебя обдувает. Я ревновал тебя к Фабио, пока он был жив, и, клянусь небом, – тут глаза его потемнели от ярости, – если хоть кто-то

осмелится усомниться в твоей любви ко мне, я не буду знать покоя, пока моя шпага не войдет в его тело, как в ножны!

Нина подняла голову с его груди с раздраженно-скучающим выражением лица.

– Опять, – с упреком пробормотала она. – Ты снова начинаешь злиться!

Он поцеловал ее.

– Нет, моя прелесть! Я буду таким спокойным, как ты пожелаешь, пока ты любишь меня, и только меня. Пойдем, здесь тебе слишком прохладно и влажно. Может, вернемся в дом?

Моя жена – нет, лучше сказать, *наша* жена, поскольку мы оба пользовались ее бесстрастным расположением, – согласилась. Взявшись за руки и медленно отмеряя шаги, они двинулись обратно к дому. Потом вдруг остановились.

– Ты слышишь соловьев? – спросил Гвидо.

Слышишь их! А кто их не слышал? Мелодия лилась с ветвей по обе стороны тропинки, чистые сладостные и страстные переливы ласкали слух, словно нескончаемый перезвон крохотных золотых колокольчиков. Прекрасные, нежные, вдохновленные Богом птицы выводили свои любовные трели с простотой и дивным восторгом. Трели, не запятнанные лицемерием, не омраченные преступлениями, разительно отличающиеся от любовных историй себялюбивого человечества! Изящная поэтическая идиллия жизни и любви птиц – разве это не причина, чтобы заклеить позором нас, низших существ? Разве мы так же верны своим клятвам, как жаворонок – своей избраннице? Разве так же искренни в своей благодарности за солнечный свет, как малиновка, которая в зимнем снегу поет столь же жизнерадостно, сколь и весенним, благоухающим цветами утром? Нет и нет! Наше существование есть лишь долгий и бессильный бунт против Бога в сочетании с ненасытным желанием одолеть друг дружку в борьбе за фальшивую монету!

Нина прислушалась и вздрогнула, плотнее запахнув на плечах легкую накидку.

– Терпеть их не могу, – раздраженно ответила она, – от их гама у любого уши заболят. А *он* ведь так их любил! И, бывало, напевал... как там?

Лимона цвет прекрасный,
Пусть все умрут от страсти,
Ты прыгай, тра-ля-ля...

Ее глубокий грудной голос заструился в вечернем воздухе, соперничая даже с трелями соловьев. Она оборвала песню и негромко рассмеялась:

– Бедный Фабио! Когда пел, он всегда выдавал фальшивую нотку. Пойдем, Гвидо!

И они снова зашагали дальше, словно совесть у обоих была чиста, словно по пятам за ними не следовало справедливое возмездие, словно ни малейшая тень ужасного отщечения не омрачала небеса их краденого счастья! Я пристально смотрел им вслед, когда они удалялись, нетерпеливо просунув голову между темных ветвей и провожая взглядом их тающие вдали фигуры, пока ее белое платье не мелькнуло в последний раз и не скрылось за пышным покровом листвы. Они ушли и больше в тот вечер не возвращались.

Я выскочил из своего укрытия и встал на том месте, где стояли они. Я пытался осознать истинный смысл того, чему стал свидетелем. Мысли мои путались, перед глазами плясали цветные круги, а луна казалась кроваво-красной. Земная твердь, похоже, закачалась у меня под ногами. Я засомневался, жив ли я вообще или же превратился в призрак прежнего себя, обреченный восстать из могилы, чтобы беспомощно взирать на утрату и разрушение всего того, что некогда было дорого моему сердцу. Окружавшая меня совершенная вселенная, казалось, более не управлялась рукою Божией, она перестала быть величественным чудом и сделалась надутым пустотой пузырем, простым мячом, который демоны гоняли и пинали в пустом пространстве! Что толку в мерцающих звездах, в одетых листвой величественных деревьях, в аромат-

ных чашах, которые мы называем цветами, в уславе глаз, называемой Природой? Что толку от самого Бога, размышлял я, коль скоро даже Он не смог создать верной хотя бы одну женщину?

Та, которую я любил, хрупкая, похожая на святую Агнессу, с личиком ангельским, словно у Христовой невесты, – кем же она оказалась? Существом более низким, чем животное, столь же отвратительным, что и воплощенное в женском облике омерзение, продающим себя за деньги! Существом, о Боже, ставшим предметом насмешек и людских пересудов, в которое уперся перст Презрения и над которым потешался гадкий и непотребный язык Осмеяния! И она была моей женой, матерью моего ребенка! Она по своей доброй воле запятнала свою душу грязью, подменила добро злом и с охотой, нет, с радостью увенчала себя позором и предпочла его чести.

Что же теперь делать? Это вопрос не давал мне покоя. Я безучастно смотрел себе под ноги – а вдруг из-под земли выскочит дьявол и даст мне искомый ответ? Что делать с ней и с ним, изменившим мне другом и улыбающимся предателем? Внезапно я заметил упавшие лепестки розы, цветка, который Гвидо смял, заключив ее в объятия. Они лежали на тропинке, чуть загнувшись по краям, словно алые ракушки. Я наклонился и поднял их, положил на ладонь и пристально в них вгляделся. От них исходил сладкий аромат, я едва не поцеловал их – нет, нельзя, они ведь совсем недавно покоились на груди воплощенной Лжи! Да, она оказалась именно ею – Ложью, живой, прекрасной, но проклятой Ложью! «Идите и убейте ее». Стоп! Где я это слышал? Я мучительно напряг память и наконец вспомнил. И тут с грустью подумал, что в тощем жалком старьевщике было больше мужского, чем во мне. Он отомстил сразу же, а вот я, как последний дурак, упустил такой удобный случай. Да, но не навсегда же! Мстить можно по-разному, нужно найти самый лучший и хитроумный способ – такой, что причинит самые долгие и тяжкие мучения тем, кто надругался над честью. Верно, сладостно покончить с грехом во время его свершения, однако... Должен ли представитель рода Романи становиться убийцей в глазах людей? Нет. Есть другие способы, другие пути, ведущие к той же цели. Если бы только мой усталый разум смог их отыскать... На гудевших от боли ногах я медленно добрел до ствола упавшего дерева и присел, все еще держа в руке лепестки розы. В ушах у меня зазвенело, во рту появился привкус крови, губы пересохла и горели, словно в лихорадке. «Седовласый рыбак». Вот кто я! Сам король так сказал. Я машинально оглядел свою одежду, некогда принадлежавшую самоубийце. «Он был дурак, – сказал о нем старьевщик, – убил сам себя».

Да, вне всякого сомнения, он был дураком. Я не последую его примеру, по крайней мере сейчас. Сначала мне нужно кое-что сделать – если только я смогу найти верный способ. Да, если только я намечу себе путь и пойду по нему – не сворачивая, решительно и без сожаления! Мысли у меня путались, словно в бреду, аромат розовых лепестков вызвал какое-то странное отвращение, но все же я их не выбросил, а решил сохранить как напоминание об объятиях, свидетелем которых стал! Я нащупал кошелек, вытащил его, открыл и аккуратно спрятал туда увядающие лепестки. Засовывая кошелек обратно в карман, я вспомнил о двух кожаных мешочках – с золотом и драгоценностями, предназначенными... для нее. В памяти всплыли мои приключения в склепе, я улыбнулся, вспомнив, с какой яростью боролся за жизнь и свободу. Жизнь и свобода! Для чего они мне теперь, кроме как не для мести? Меня никто не разыскивал, никто не ждал, что я займу свое прежнее место в этом мире. Огромное состояние, которым я владел, теперь принадлежало моей жене согласно моему завещанию, чью подлинность ей не составит труда доказать. Но все же я обладал богатством: спрятанных разбойничьих сокровищ было более чем достаточно, чтобы обеспечить любому человеку совершенно безбедную жизнь до конца его дней. Подумав об этом, я испытал какое-то грустное удовольствие. Деньги! За деньги можно сделать все что угодно – золото способно купить даже месть. Но какую? Мечь, к которой я стремился, должна стать ни на что не похожей – утонченной, безжалостной и неотвратимой. Я глубоко задумался. С моря подул свежий вечерний ветерок, листья качавшихся деревьев загадочно перешептывались между собою, соловьи продолжали

заливаться сладостными трелями, и луна, словно круглый щит ангела-воителя, ярко сияла на фоне темно-синего неба. Не обращая внимания на летевшие часы, я сидел погруженный в не совсем приятные воспоминания. «Когда пел, он всегда выдавал фальшивую нотку!» Именно так она сказала, негромко рассмеявшись холодным и резким, словно стальным, смехом. Верно-верно, именем царственных небес – совершенно верно! И вправду присутствовала фальшивая нота, противно резавшая слух, но не столько в голосе, сколько в самой музыке жизни. В каждом из нас заключено нечто такое, что по нашему желанию воплотится в величественную или простую гармонию. Но стоит лишь позволить мимолетной вспышке женской улыбки, женского прикосновения, женской лжи проникнуть в мелодический строй, как появляется фальшивая нота, заявляет о себе неблагозвучие, и сам Господь, великий композитор, не может сделать ничего, чтобы восстановить прежнюю спокойную мелодию мирных и безоблачных дней! Я в этом убедился, и все вы должны убедиться в этом задолго до того, как состаритесь вместе со своими горестями.

«Седовласый рыбак»! Слова короля вновь и вновь звучали в моем исстрадавшемся мозгу. Да, я очень сильно изменился, выглядел старым и немощным, и никто не узнал бы во мне прежнего Фабио Романи. При этой мысли меня вдруг озарило. Передо мной предстал план мести, настолько дерзкий, настолько свежий и вместе с тем столь ужасный, что я вскочил со своего места, словно ужаленный гадюкой. Я беспокойно зашагал взад-вперед, и зловещий свет страшной мести озарил все потаенные уголки моего замутненного гневом сознания. Откуда взялась мысль о столь дерзком плане? Какой дьявол или скорее ангел возмездия нашептал его моей душе? Я терялся в догадках, но вместе с догадками начал разрабатывать конкретные детали своего плана. Я учел любые, даже самые незначительные обстоятельства, которые могли возникнуть в процессе его осуществления. Мои притупленные горем чувства просыпались от летаргического сна отчаяния и вставали, словно поднятые по тревоге вооруженные до зубов солдаты. Былые любовь, жалость, милосердие и терпение были забыты. Что за дело было *мне* до всех этих проявлений мирской слабости? Что мне было до того, что истекавший кровью Христос после смерти простил своих врагов? Он никогда не любил женщину! Ко мне вернулись сила и решительность. Оставьте убийство и самоубийство простым рыбакам и старьевщикам как отдушину для их слепой и грубой ярости, когда они задеты за живое. Что же до меня, зачем мне осквернять фамильный герб банальным и вульгарным преступлением? Нет-нет, месть потомка рода Романи должна свершиться со спокойной уверенностью и полной рассудительностью: никакой спешки, никакой плебейской ярости, никакой дамской экзальтации, никакой суеты и волнения.

Я медленно расхаживал взад-вперед, обдумывая каждый поворот зловещей драмы, в которой решил сыграть главную роль от поднятия до падения черного занавеса. Мысли мои прояснились, дыхание сделалось ровнее, нервы постепенно успокоились. Мысль о том, что я намеревался сделать, успокаивала меня и остужала разгоряченную кровь. Я сделался совершенно невозмутимым и собранным. Я больше не сожалел о прошлом – что мне скорбеть об утраченной любви, которой у меня никогда не было? Они даже не дожидались моей предположительно скоропостижной кончины. Нет! Уже через три месяца после свадьбы они начали меня дурачить и целых три года предавались своим преступным любовным утехам, в то время как я, слепой мечтатель, ничего не подозревал. Только теперь я осознал глубину нанесенной мне раны: я оказался человеком, горько заблуждавшимся и жестоко обманутым. Справедливость, здравый смысл и самоуважение требовали того, чтобы я в полной мере наказал жалких обманщиков, водивших меня за нос. Страстная нежность, которую я испытывал к жене, исчезла – я изгнал ее из сердца, как вырвал бы занозу из тела, и отшвырнул прочь с тем же отвращением, с каким отбросил невидимую тварь, что вцепилась мне в шею в склепе. Глубокая и теплая дружба, которая годами связывала нас с Гвидо, заledenела до самого основания, и на ее месте выросла не ненависть, а безмерное и безжалостное презрение. Во мне возникло столь

же сильное презрение и к самому себе, когда я вспомнил безумную радость, с которой спешил – как мне тогда казалось – домой, словно Ромео, исполненный любовного пыла и страстного предвкушения. Идиот, весело прыгавший навстречу смерти через горную пропасть, не казался глупее меня! Но теперь сон закончился и все грезы рассеялись. Я был исполнен сил для мести, и я спешил ее осуществить.

Поразмыслив таким мрачным образом чуть более часа, я твердо решил достичь поставленной перед собой цели. А дабы мое решение стало окончательным, снял с груди распятие, которое покойный монах Чиприано положил мне в гроб, поцеловал его и поднял высоко вверх, после чего поклялся этим святым символом никогда не сдаваться, никогда не отступить и не ведать покоя, пока целиком и полностью не выполню обет справедливого отмщения. Звезды, молчаливые свидетели моей клятвы, со спокойствием взирали на меня, словно судьи, со своих постаментов в безмолвном небе. Пение соловьев ненадолго прервалось, словно они тоже меня слушали. Ветер печально вздохнул и бросил к моим ногам, словно снег, горстку лепестков жасмина.

Вот так, подумал я, опадали последние листья моих прежних дней – дней наслаждений, сладких заблуждений, дорогих воспоминаний. Так пусть же они увянут и сгинут навсегда! Ибо с этого мгновения моя жизнь должна стать чем-то другим, нежели букетом цветов. Она должна сделаться цепью из хорошо закаленной стали – твердой, холодной и прочной, – цепью из звеньев, достаточно крепких для того, чтобы обвить две лживые жизни и сковать их так прочно, чтобы вырваться не осталось никакой возможности. Вот что нужно было сделать и на что я решился.

Я повернулся и твердым, но тихим шагом свернул с тропинки. Открыл неприметную маленькую калитку и вышел на пыльную дорогу. Какой-то лязгающий звук заставил меня поднять взгляд, когда я проходил мимо парадного входа виллы Романи. Слуга – мой личный слуга, между прочим, – запирает на ночь большие ворота. Я слышал, как он опускал щеколды и поворачивал ключ в замке. Вспомнил, что ворота были накрепко заперты, когда я шагал по ведущей из Неаполя дороге. Зачем их открывали? Чтобы выпустить гостя? Конечно! Я мрачно улыбнулся хитрости своей жены! Она явно знала, что делала. Необходимо соблюдать приличия: слуга должен проводить и выпустить синьора Феррари через главный вход. Естественно! Тогда ничто не вызовет подозрений и все будет соответствовать правилам приличия! Значит, Гвидо только что ушел от нее?

Я зашагал спокойно, не торопясь, спускаясь с холма к городу, и вскоре нагнал его. Он шел своей обычной ленивой походкой, покуривая, и держал в руке веточку мадагаскарского жасмина – я-то знал, кто подарил ему эти цветы! Я прошел мимо, он бросил на меня небрежный взгляд, его красивое лицо было хорошо различимо в ярком лунном свете. Но обычный рыбацк ничем не привлек его внимания, и он сразу же отвел глаза. Меня охватило безумное желание наброситься на него, вцепиться ему в глотку, сбить с ног и швырнуть в пыль, плюнуть ему в лицо и затоптать, но я подавил в себе это свирепое и опасное чувство. Я задумал игру получше, уготовив ему утонченные истязания, по сравнению с которыми драка выглядела заурядной возней. Отмщение должно медленно вызревать на огне гнева, пока само не упадет с ветви. Если же снять его второпях и слишком рано, то оно превратится в недозрелый плод – кислый и противный на вкус.

Поэтому я позволил своему дорогому другу – утешителю моей жены – и дальше шагать спокойно и беспечно, пройдя мимо него и предоставив ему мечтать о любовных утехах с дамой его лживого сердца. Я достиг Неаполя, нашел себе ночлег в одной из гостиниц, в которых обычно останавливаются люди моей предполагаемой профессии, и, как это ни странно, спал крепко и без сновидений. Недавняя болезнь, усталость, страх и горе – все это способствовало тому, что меня, словно усталого ребенка, бросило в объятия сна. Но, возможно, самым сильным успокоительным средством для моего рассудка стало осознание того, что у меня есть прак-

тический план мести – возможно, самый ужасный из тех, что были задуманы до меня каким-либо человеческим существом. Вы назовете меня нехристианином? Повторяю вам: Христос никогда не любил женщину! Если бы с Ним такое случилось, он бы оставил нам особые наставления относительно правосудия.

Глава 9

На следующее утро я поднялся очень рано. Я совершенно утвердился в принятом мною накануне вечером решении: план мой окончательно сформировался, и мне не оставалось ничего, кроме как воплотить его в жизнь. Никем не замеченный, я снова направился к склепу, взяв с собой небольшой фонарь, молоток и несколько больших гвоздей. Дойдя до кладбища, я внимательно огляделся по сторонам, надеясь, что поблизости не окажется ни скорбящего родственника усопшего, ни любопытного прохожего. Вокруг не было ни души. Воспользовавшись потайным ходом, я вскоре оказался на месте моих недавних страданий, которые теперь казались мне такими незначительными по сравнению с моими теперешними душевными муками. Я сразу пробрался к тому месту, где оставил гроб с сокровищами, и забрал оттуда все свертки бумажных денег, рассовав их по карманам и за подкладку одежды, таким образом сделавшись обладателем многих тысяч франков. Затем с помощью принесенных инструментов заделал дыры в тех местах, где вскрывал гроб, и заколотил его так прочно, что он стал казаться совершенно нетронутым. Я не тратил время попусту, потому что очень торопился. Я намеревался уехать из Неаполя на полмесяца или больше и планировал отправиться в путь в тот же день. Перед тем как выйти из склепа, я взглянул на гроб, где лежал. Может, его тоже заколотить, словно мое тело по-прежнему находится там? Нет, лучше оставить его как есть – с разломанной и откинутой крышкой: в таком виде он лучше послужит моим целям.

Закончив все свои дела в склепе, я выбрался наружу через тайный ход, закрыл и замаскировал его за собой с особой тщательностью, после чего отправился напрямик в порт. Расспросив моряков, я узнал, что скоро в Палермо отправится небольшой каботажный бриг. Палермо мне вполне подходил, и я разыскал капитана судна. Им оказался загорелый моряк с веселым взглядом, обнаживший в учтивой улыбке ослепительно-белые зубы, когда я выразил желание плыть на его корабле. Он тотчас же согласился на сумму, которую я посчитал более чем скромной, однако, как я позже выяснил, втрое превышавшую его обычную таксу. Но симпатичный мошенник обманул меня с такой очаровательной и изящной любезностью, что я едва бы ожидал от него иного поведения и отношения к себе. Я был весьма наслышан о «прямолинейной честности» англичан. Осмелюсь заметить, что некоторая доля правды в этом утверждении есть, но что до меня, то лучше уж пусть меня обманет добродушный человек, который скажет веселое слово и улыбнется, чем я честно получу то, за что заплатил деньги, от «прямолинейного» грубияна, у которого порой недостает вежливости даже на то, чтобы поздороваться.

Мы отправились в плавание примерно в девять часов. Утро выдалось ясным, и для Неаполя воздух казался почти прохладным. Волны бились о борта нашего небольшого судна с легким плеском и бульканьем, словно весело перешептываясь между собой обо всех удивительных вещах, встречавшихся им от восхода до заката. О кораллах и переплетающихся водорослях, растущих в синих глубинах, о маленьких сверкающих рыбках, плещущихся в морских волнах, об изящных раковинах, внутри которых обитали нежные существа, фантастические крохотные создания, прекрасные, как тонкие кружева, смотрящие из-за белых и розовых дверей своих прозрачных домиков и кажущиеся на мерцающем сине-зеленом фоне своих постоянно движущихся пристанищ столь же удивительными, сколь удивительными кажемся и мы на фоне огромного небесного свода, густо усеянного звездами. Об этом и еще об очень многом неведомом и приятном беспрестанно перешептывались зыбкие воды – им даже было что сказать о женщинах и женской любви. Они весело рассказывали мне, сколько прекрасных женских тел опустились в холодные объятия воинственного моря, тел изящных и мягких, словно сифы из снов поэтов, но, несмотря на их дивную красоту, носимых туда-сюда жестокой морской пучиной и брошенных на дно среди морской гальки на съедение чудовищам, живущим в бездне волн.

Лениво развалившись на стуле у борта и глядя на чистые средиземноморские волны, синие, словно озеро из расплавленных сапфиров, я представлял, как увижу ее, Далилу своей жизни, распростертой на золотистом песке, с напоминающими желтые водоросли пышными волосами, с кулаками, сжатыми в предсмертной агонии, с насмешливыми губами, синеющими от пронизывающего холода приливной волны и неспособными вновь шевельнуться или улыбнуться. Я подумал, что на морском дне она будет выглядеть просто прекрасно, гораздо лучше, чем в объятиях любовника накануне вечером. Я так глубоко погрузился в свои размышления, что вздрогнул, когда кто-то вдруг тронул меня за плечо. Я поднял взгляд и увидел стоявшего рядом капитана брига. Он улыбнулся и протянул мне портсигар.

– Синьору не угодно закурить? – учтиво спросил он.

Я машинально взял тонкую гаванскую сигарку.

– Почему вы называете меня синьором? – отрывисто спросил я. – Я простой ныряльщик за кораллами.

Невысокий шкипер-сицилиец пожал плечами и почтительно поклонился, однако в его глазах продолжала плясать веселая улыбка, отчего на загорелых щеках появились ямочки.

– О, разумеется! Как будет угодно синьору, однако... – Он умолк, вновь выразительно пожав плечами и поклонившись.

Я впился в него пристальным взглядом.

– О чем это вы? – с некоторой суровостью спросил я.

Со свойственной ему птичьей легкостью и быстротой капитан наклонился и коснулся моего запястья загорелым пальцем.

– Прошу меня простить, но у вас руки не ныряльщика за кораллами.

Я взглянул на свои руки. И действительно, их гладкая кожа и изящная форма выдавали меня. Веселый низкорослый человечек оказался достаточно проницательным, чтобы заметить контраст между ними и моей простой одеждой, хотя никто из тех, с кем мне доводилось сталкиваться раньше, не проявил подобной наблюдательности. Сначала его замечание привело меня в некоторое замешательство, однако после минутной паузы я достойно выдержал его пристальный взгляд и беспечно произнес:

– Что ж, ладно! И что дальше, друг мой?

Он примирительно всплеснул руками.

– Нет-нет, ничего – лишь одно. Синьор должен понять, что у меня он находится в полной безопасности. Я умею держать язык за зубами и говорю лишь о том, что касается лично меня. У синьора имеются веские причины для того, что он делает, – в этом я уверен. Он пережил страдания – достаточно одного взгляда, чтобы это заметить. Ах, Боже мой, в жизни так много горестей! Любовь. – Он начал быстро загибать пальцы. – Потом месть, ссора, потеря состояния, и любая из этих вещей заставит человека отправиться в путь в любое время суток и в любую погоду. Да, это именно так, уж я-то знаю. Синьор доверил мне свою безопасность на этом корабле, и я хочу заверить его, что обеспечу ее наилучшим образом.

И он приподнял свою красную шляпу с очаровательной учтивостью, которая в моем мрачном расположении духа тронула меня до глубины души. Я молча протянул ему руку, и он пожал ее с уважением, сочувствием и искренним дружелюбием. И все же он взял с меня за поездку втридорога, скажете вы! Да, однако он не сделал бы меня предметом неуместного любопытства и за плату в двадцать раз большую! Вам непонятно наличие столь противоречивых черт в характере итальянцев? Нет, осмелюсь сказать, что нет. Поведение расчетливого северянина при тех же обстоятельствах свелось бы к тому, чтобы выжать из меня как можно больше с помощью мелких хитроумных уловок, а затем с совершенно чистой совестью отправиться в ближайший полицейский участок и рассказать там о моей подозрительной внешности и поведении, тем самым введя меня в дополнительные расходы помимо личных неприятностей.

С редким тактом, отличающим южан, капитан переменял тему разговора, переводя его на табак, который мы оба с удовольствием курили.

– Прекрасный табак, не так ли? – осведомился он.

– Превосходный! – ответил я, поскольку так оно и было.

Его белые зубы сверкнули в веселой улыбке.

– Он и должен быть наивысшего качества, поскольку это подарок от человека, который курит только наилучшие сорта. Ах, Господи Боже! Какой же избалованный господин этот Кармело Нери!

Я не смог скрыть легкого удивления. Какой каприз судьбы связал меня с этим знаменитым разбойником? Я и вправду курил его табак, а всем своим нынешним богатством был обязан сокровищам, спрятанным в моем фамильном склепе!

– Так вы знаете этого человека? – с некоторым любопытством поинтересовался я.

– Знаю его? Да так же, как самого себя. Дайте вспомнить... Уже два месяца – да, сегодня ровно два месяца, как он плыл со мной на борту этого самого брига. Случилось это вот как: я стоял в Гаэте, он поднялся на борт и сказал, что за ним по пятам идут жандармы. Он предложил мне больше золота, чем я видел за всю свою жизнь, чтобы я доставил его в Термини, откуда он смог бы добраться до одного из своих убежищ в Монтемаджоре. С собой он привел Терезу. На бриге я был один, все мои люди сошли на берег. Он сказал: «Переправь нас в Термини, и я дам тебе, сколько обещал. Откажешься – и я перережу тебе глотку». Ха-ха! Хорошо сказано. В ответ я рассмеялся. Поставил на палубе стул для Терезы и угостил ее персиками. И сказал ему: «Послушай, мой Кармело! Что толку в угрозах? Ты меня не убьешь, а я тебя не предаю. Ты вор, и вор очень опасный – клянусь всеми святыми, – однако позволю себе заметить, что ты не намного опаснее хозяев гостиниц, если только не схватишься за нож». (Вы же знаете, синьор, что если зайдете в гостиницу, то вам придется заплатить едва ли не выкуп, чтобы оттуда выйти!) Да, вот таким образом я и урезонил Кармело. Я сказал ему: «Мне не нужно целое состояние за то, чтобы доставить тебя с Терезой в Термини. Заплати мне только за перевозку, и мы расстанемся друзьями, хотя бы ради Терезы». Ну, он удивился. Улыбнулся своей мрачной улыбкой, которая могла означать и благодарность, и смерть. Посмотрел на Терезу. Та вскочила со стула, рассыпав по палубе персики. Взяла меня за руки своими маленькими ручками, в ее дивных голубых глазах стояли слезы. «Вы хороший человек, – сказала она. – Наверное, вас очень любит какая-нибудь женщина!» Да, так она и сказала. И оказалась права. Хвала за это Пресвятой Деве! – И он поднял глаза к небу с искренним выражением благодарности.

Я смотрел на него с некоей завистью и голодом, снедавшим мое сердце. Еще один добровольно заблуждавшийся глупец, восторженный негодяй, упивавшийся несбыточной мечтой, бедняга, убежденный в верности женщин!

– Вы счастливый человек, – произнес я с натянутой улыбкой. – Вам, как и вашему кораблю, в жизни светит путеводная звезда – женщина, которая любит вас и верна вам. Не так ли?

Он ответил мне просто и прямо, при этом слегка приподняв шляпу:

– Да, синьор, моя мать.

Его наивный и неожиданный ответ глубоко тронул меня – куда глубже, чем я показал. В душе моей закипела горькая обида: почему, о, почему же моя матушка умерла так рано! Почему я так и не познал священной радости, которая, казалось, исходила от всего облика простого моряка и светилась в его взгляде? Почему я должен навсегда остаться один и всю жизнь нести на себе проклятие женщины, повергающее меня в прах и пепел безысходного отчаяния? Наверное, лицо выдавало мои мысли, поскольку капитан участливо спросил:

– Синьор лишился матери?

– Она умерла, когда я был совсем ребенком, – коротко ответил я.

Сицилиец молча затянулся сигаркой – это было безмолвие искреннего сочувствия. Чтобы избавить его от замешательства, я произнес:

– Вы говорили о Терезе. Кто она такая?

– Ах, хороший вы задали вопрос, синьор! Никому не известно, кто она. Она любит Кармело Нери – вот и все, что говорят. Она такая нежная, такая хрупкая, словно пена на гребне волны. А Кармело... Вы видели Кармело, синьор?

Я отрицательно покачал головой.

– Вот и хорошо! Кармело – огромный, грубый и черный, словно лесной волк, сплошная шерсть и когти. А Тереза... Ну, вы видели облачко на ночном небе, проплывающее мимо луны и озаряемое золотистым отблеском? Тереза именно такая. Она маленькая и хрупкая, как дитя, у нее вьющиеся волосы, и нежные умоляющие глаза, и такие крохотные, слабые белые ручки, что и хворостину не смогут переломить. И все же с Кармело она может делать все что угодно: она единственное слабое место и светлое пятно в его жизни.

– Интересно, верна ли она ему? – пробормотал я отчасти про себя, отчасти вслух.

Капитан воспринял мои слова с некоторым удивлением.

– Верна ему? О Боже! Но ведь синьор ее совсем не знает. Был в банде Кармело один красавец-головорез, смельчак, каких свет не видывал. Он с ума сходил по Терезе и повсюду следовал за ней, как побитая собака. Однажды он застал ее одну, попытался обнять, а она выхватила у него из ножен кинжал и пырнула его, словно маленькая взбешенная фурия! Тогда она его не зарезала, но Кармело сделал это позже. Подумать только, такая хрупкая женщина, а внутри сущий дьявол! Она похвастается тем, что ни один мужчина, кроме Кармело, не коснулся даже локона у нее на голове. Да, она ему верна, и это тем более прискорбно.

– И что же, вы думаете, она его не обманывает? – спросил я.

– Нет-нет, ибо неверная женщина заслуживает смерти, но все же жаль, что Тереза беззаветно любит Кармело. Такого человека! Когда-нибудь жандармы его поймут, потом его до конца дней сошлют на галеры, а она умрет. Да, можете быть в этом уверены! Если только горе сразу же ее не прикончит, она покончит с собой, это уж точно! На вид она хрупкая и нежная, как цветок, но душа у нее крепка как сталь. Она и в смерти пойдет своим путем, так же как и в любви. Некоторые женщины такими рождены, и обычно у самых слабых на вид оказывается больше всего мужества.

Наш разговор был прерван появлением одного из матросов, явившегося за распоряжениями капитана. Разговорчивый шкипер с виноватой улыбкой и поклоном положил передо мной портсигар и оставил меня наедине с моими мыслями.

Я не жалел о том, что оказался в одиночестве. Мне требовалась небольшая передышка, чтобы поразмыслить, хотя мысли мои, словно новая солнечная система, вращались вокруг красной планеты – основополагающей идеи под названием «Мсть». «Неверная женщина заслуживает смерти». Даже простой сицилийский моряк так считает. «Идите и убейте ее, идите и убейте ее!» – эти слова вновь и вновь звенели у меня в ушах, пока я не понял, что еще миг – и я произнесу их вслух. Душу мою терзала боль при мысли о женщине по имени Тереза, возлюбленной отпетого разбойника, одно имя которого наводило ужас и который внешне был столь же ужасен. Она, даже она осталась незапятнанной оскверняющими прикосновениями других мужчин, она гордилась своей верностью горному волку, чей характер был переменчив и обманчив. Она по праву могла хвастаться своей верностью возлюбленному, руки которого были по локоть в крови. А вот Нина... Законная супруга аристократа с незапятнанной репутацией смогла сбросить сияющий венец священных уз брака и повергла его в пыль. Она смогла втоптать в грязь честь и достоинство древнего рода, смогла опуститься до такой низменной мерзости, что даже простолюдинка Тереза, узнав об этом, скорее всего, отказалась бы даже прикоснуться к ее руке, посчитав ее оскверненной.

Боже праведный! Что такого совершил Кармело Нери, чтобы заслужить бесценную жемчужину верного женского сердца? И чем я заслужил такой гнусный обман, за который теперь должен отомстить? Я вдруг подумал о своей дочери. Воспоминание о ней озарило меня, словно луч света, – я почти о ней забыл. Бедный маленький цветок! Горькие слезы навернулись мне на глаза, когда я вызвал перед своим внутренним взором ее нежное детское личико, ее не замутненные горем глазки, ее крохотный капризный ротик, зовущий к невинным поцелуям! Как мне быть с ней? Когда созревший в моей голове план отмищения будет в полной мере осуществлен, нужно ли мне увезти ее с собой далеко-далеко, в какой-нибудь тихий уголок планеты, и посвятить ей всю свою жизнь? Увы, увы! Она тоже превратится в прекрасную женщину, она – плод отравленного дерева, и кто сможет поручиться, что и в ее сердце не скрывается зловредный червь, который ждет созревания, чтобы начать свой разрушительный труд?

О мужчины! Вы, чьи жизни отягощены цепями в образе лицемерных женщин, – если Господь дарует вам от них детей, то на ваши головы падает двойное проклятие! Скрывая его в меру сил под маской светских приличий, которые все мы вынуждены носить, вы знаете, что нет ничего мучительнее, чем видеть, как невинное дитя доверчиво смотрит в лживые глаза неверной жены и называет ее священным словом «мать». Ешьте пепел и пейте отвар из полыни – они покажутся вам сладостью в сравнении с этой тошнотворной горечью!

Остаток дня я провел в одиночестве. Капитан брига иногда перебрасывался со мной веселыми фразами, но поднявшийся легкий встречный ветер требовал его постоянного участия в управлении судном, так что он не мог позволить себе предаваться пересудам, которые искренне любил. Погода стояла великолепная, и, несмотря на постоянное маневрирование с целью поймать переменчивый ветер, наш маленький бриг весело и быстро бежал по сверкающим средиземноморским волнам со скоростью, сулившей нам прибытие в Палермо уже на закате следующего дня. С наступлением вечера ветер усилился, и к тому времени, как луна, подобно огромной птице, взмыла в небо, мы неслись, убрав часть парусов, а борт корабля скользил и ласкал волны, мерцавшие серебристыми и золотистыми отсветами, то и дело вспыхивая фосфоресцирующими огоньками.

Мы пролетели почти под носом великолепной яхты, на мачте которой развевался английский флаг, – ее паруса белоснежно сверкали в лунном свете, а сама она прыгала по волнам, словно чайка. На палубе стоял мужчина, чья высокая атлетическая фигура резко выделялась благодаря одеянию яхтсмана, и обнимал за талию свою спутницу. Мы всего лишь минуточку шли рядом с величественным судном, но мне все же удалось хорошо разглядеть влюбленную парочку, и как же я пожалел этого мужчину! Почему? Он, несомненно, был англичанином, сыном страны, где сама земля должна благоухать добродетелью, поэтому женщина рядом с ним обязана являть собой совершенный образец чистоты: англичанин никогда не ошибется в подобных вещах! Никогда? Вы уверены? Ах, поверьте мне, теперь нет больших различий между женщинами разных народов. Когда-то они существовали, я готов согласиться с этим. Некогда, по общепринятому мнению, «английская роза» являла собой образец настоящей англичанки, но теперь, поскольку мир столь поумнел и преуспел в искусстве катиться под откос, может ли даже высокородный британский аристократ с легким сердцем взирать на поведение своей второй половины? Может ли он без опаски предоставить ее самой себе? И нет ли мужчин, также похваляющихся своей «голубой кровью», которые, возможно, готовы прибегнуть к воровским приемам, дабы в его отсутствие проникнуть в его дом с помощью отмычек и украсть расположение его жены? И разве не она, хоть и являясь матерью трех или четырех детей, готова с благоволением принимать мерзкого похитителя чести и прав ее мужа? Прочтите любую английскую газету за любой день, и вы обнаружите, что некогда «высоконравственная» Англия ноздря в ноздрю с другими менее лицемерными странами мчится к краю падения общественных нравов. Препятствия, когда-то существовавшие, сломаны, «профессиональных красавиц» принимают в кругах, где прежде одно их появление становилось сигналом

всем уважаемым дамам немедленно удалиться. Титулованные аристократки услаждаются фиглярством на театральных подмостках в одеяниях, как нельзя более откровенно демонстрирующих их формы зубоскалящей публике, или же распевают в концертных залах ради удовольствия выставить себя напоказ и с улыбками и благодарными поклонами принимают вульгарные аплодисменты немой толпы!

О боги! Что случилось с надменной гордостью былых времен, с той гордостью, которая презирала всякое хвастовство и ценила честь выше самой жизни? Какое поразительное знамение времени заключено в следующем: позвольте женщине утратить честь до свадьбы, и не будет прощения ни ей, ни ее прегрешению. Но предоставьте ей делать все, что заблагорассудится, когда ее защищает имя мужа, и общество закроет глаза на все ее преступления. Добавьте к этому факту общий насмешливый дух, господствующий в высшем свете и интеллектуальных кругах, высмеивание религии, высмеивание чувств, высмеивание всех лучших и благороднейших свойств человеческой природы. Приплюсуйте к этому всеобщее распространение «свободомыслия», а значит, противоречивости и неустойчивости убеждений, позвольте всему вышеупомянутому продолжаться еще несколько лет – и Англия станет взирать на соседние страны, как смелая женщина во время игры в домино. Ее лицо частично скрыто, якобы для того, чтобы избежать позора, но глаза ее холодно сверкают из-под маски, показывая всем, что она втайне упивается новым стилем поведения из-за беззакония пополам с жадностью. Ибо она навсегда останется алчной, и самое худшее, что из-за ее прозаической природы ей будет недоступна испушительная благодать, которая придала бы ей блеск и очарование. Франция весьма недобродетельна, Бог тому свидетель, но все же на ее губах осталась лучезарная улыбка, так радующая сердце. Италия столь же недобродетельна, но все же ее голос полон мелодий, похожих на пение птиц, а ее лицо – воспеваемая поэтами дивная мечта! Но недобродетельная Англия походит на мелочно-расчетливую и несколько сварливую матрону, одержимую несвойственной и не идущей ей резвостью и проворством, лишённую смеха, песни и улыбки, с единственным богом по имени Злато и единственной заповедью, предположительно одиннадцатой: «Не попадайся!»

В ту ночь я спал на палубе. Капитан предложил мне собственную небольшую каюту и в своем добросердечии был искренне расстроен моим настойчивым отказом занять ее.

– Под лунным светом спать опасно, синьор, – обеспокоенно произнес он. – Говорят, от этого сходят с ума.

Я улыбнулся. Если уж мне и суждено было сойти с ума, то это произошло бы прошлым вечером.

– Не бойтесь, – тихо ответил я. – Я люблю лунный свет, он успокаивает меня. Я прекрасно здесь отдохну, друг мой, не беспокойтесь обо мне.

Капитан замешкался, а потом внезапно ушел, но через две-три минуты вернулся с толстым куском овчины. Он с такой озабоченностью настаивал, чтобы я взял овчину, чтобы укрыться от прохладного ночного воздуха, что я, лишь только чтобы сделать ему приятное, поддался на его уговоры и лег, закутавшись в теплую шкуру. Добряк пожелал мне спокойной ночи и спустился к себе в каюту, насвистывая веселую мелодию.

Улегшись на палубе, я смотрел на мириады звезд, мягко мерцавших на теплых фиолетовых небесах, смотрел на них долго и пристально, пока мне не показалось, что наш корабль тоже сделался звездой и пустился в плавание по космосу вместе со своими сверкающими спутниками. Я гадал, какие существа населяют эти таинственные планеты. Обычные мужчины и женщины, которые жили, любили и врали друг другу так же смело, как и мы? Или высшие существа, которым неведома даже малейшая ложь? Есть ли среди них хоть один мир, где никогда не рождались женщины? В моем мозгу проносились смутные фантазии и странные теории.

Я вновь переживал страдания своего заточения в склепе. Снова заставлял себя наблюдать сцену между моей женой и ее любовником, свидетелем которой я стал. Вновь обдумывал все мелочи, необходимые для свершения ужасной мести, которую я задумал. Я часто удивлялся

тому, что в странах, где разрешены разводы, обманутый муж может довольствоваться столь скудной компенсацией за свои унижения, как простое избавление от изменившей ему женщины. Это для нее не наказание – это исполнение ее желаний. При нынешнем уровне отношений в обществе в этом даже нет никакого особого позора. Будь публичная порка узаконенным наказанием замужней женщины за измену, подобные скандалы случались бы реже – за бичеванием мог бы последовать развод. Воспитанная в изящной и изысканной обстановке, такая особа подумала бы дважды, нет, пятьдесят раз, прежде чем пойти на риск, что ее нежное тело исхлестают кнуты, сжимаемые безжалостными руками парочки представительниц ее же пола. Подобная перспектива публичного унижения, страданий, позора и попраения гордости подавила бы в ней животные инстинкты куда действеннее, нежели церемонные судебные заседания и тщательно отобранные присяжные.

Задумайтесь над этим, короли, аристократы и простолюдины! Порка кнутом привязанного к телеге человека некогда была узаконенным наказанием. Если хотите остановить растущую безнравственность и бесстыдные женские пороки, то лучше возродить эту традицию. Вот только применять это наказание нужно в равной степени и к бедным, и к богатым. Ибо вполне вероятно, что резвые графини и герцогини в ваших странах будут нуждаться в подобных «охлаживаниях» гораздо чаще, нежели измотанные работой жены тружеников. Роскошь, праздность и любовь к нарядам суть рассадники греха – поэтому ищите его не в лачугах голодающих, а в благоухающих розами и мускусом будуарах аристократок. Ищите его, как бесстрашные врачи ищут возбудителей смертельных болезней, грозящих опустошить огромный город, и затопчите его, если вы *можете* и *желаете* сохранить добрую славу о своих странах в глазах грядущих поколений.

Не жалейте розог именно для «миледи»! С распущенными в очаровательной беспорядочности густыми волосами и со слезами на глазах она вызывает к вам о милосердии – и именно по причине своего богатства и положения заслуживает куда меньшего снисхождения и жалости, чем размалеванная блудница, не знающая, где добыть кусок хлеба. Высокое положение обязывает к высокой ответственности! Однако я говорю дикие вещи. С поркой давно покончено, по крайней мере в отношении женщин, и при мысли о ней мы вполне обоснованно вздрагиваем от отвращения. Но когда мы с таким же отвращением вздрагиваем от чудовищной распущенности нашего общества? Очень редко или никогда. Между тем в случае супружеской неверности мужа и жены могут жить порознь и сравнительно спокойно идти каждый своей дорогой. Да, некоторые могут и поступают именно так – но я не из их числа. Ни один закон в мире не поможет сшить заново разорванное знамя моей чести, поэтому я сам должен сделаться законом – адвокатом, присяжными, судьей, всем сразу, и мой вердикт обжалованию не подлежит! Затем я должен буду взять на себя роль палача, а какая пытка столь же изысканна и уникальна, как та, которую придумал я?

Вот так я размышлял, лежа без сна, с обращенным к небу лицом, глядя, как лунный свет струился на морские воды, словно золотистый дождь, а вода плескалась и билась о борта брига, разлетаясь веселыми белыми хлопьями пены, пока мы неслись вперед.

Глава 10

Весь следующий день дул попутный ветер, и мы прибыли в Палермо за час до заката. Едва мы успели зайти в гавань, как на борт поднялся небольшой отряд полицейских и жандармов, вооруженных пистолетами и карабинами, предъявив документ, разрешавший им осмотреть бриг, чтобы убедиться, что на нем не прячется Кармело Нери. Я немного забеспокоился о безопасности своего друга-капитана, однако он нисколько не встревожился, а заулыбался и приветствовал вооруженных стражей порядка, как самых близких друзей.

– Откровенно говоря, мое мнение таково, – обратился он к ним, откупоривая бутылку кьянти, – что этот злодей Кармело находится где-нибудь рядом с Гаэтой. Врать я вам не стану, зачем мне это? Разве за его голову не объявлена награда, а я не бедняк? Слушайте, я бы сделал все, чтобы вам помочь!

Один из прибывших смерил его подозрительным взглядом.

– Мы получили данные, – начал он, деловито чеканя слова, – что Нери вот уже два месяца как исчез с Гаэты при помощи и содействии некоего Андреа Луциани, владельца каботажного брига «Лаура», курсирующего по торговым делам между Неаполем и Палермо. Вы – Андреа Луциани, а это бриг «Лаура». Все верно, не так ли?

– Как будто бы вы когда-нибудь ошибались, дорогой мой! – воскликнул капитан с прежней веселостью, хлопнув того по плечу. – Нет, если бы святой Петр в дурном расположении духа закрыл бы вам вход на небеса, у вас бы хватило хитрости отыскать лазейку! Ах, Боже мой, истинно так! Да, вы правы насчет моего имени и названия брига, но в остальном... – Тут он потряс пальцами, выражая свое несогласие. – Вы ошибаетесь, и ошибаетесь очень глубоко! – Он разразился веселым смехом. – Да, ошибаетесь – но не станем из-за этого ссориться! Выпейте еще кьянти! От поиска разбойников очень хочется пить. Полнее стаканы, друзья мои, и не глядите на бутылку – под трапом таких еще штук двадцать!

Полицейские невольно заулыбались, выпив предложенное вино, и самый молодой на вид, проворный симпатичный парень, тоже развеселился вслед за капитаном, хотя явно полагал, что сможет заманить его в ловушку и ненароком вытянуть признание при помощи своей беспечности и дружелюбия.

– Браво, Андреа! – весело воскликнул он. – Так останемся же добрыми друзьями! К тому же что плохого в том, чтобы взять на борт разбойника? Он ведь, несомненно, заплатил гораздо больше, чем любой торговец!

Однако Андреа не купился на эту уловку. Наоборот, он всплеснул руками и возвел глаза к небу с притворным выражением тревоги и испуга.

– Да простит вас Мадонна и все святые! – благоговейно воскликнул он. – Простит за мысли о том, что я, честный моряк, возьму хоть грош у проклятого разбойника! Ведь потом несчастья станут преследовать меня до скончания дней! Нет-нет, тут какая-то ошибка, мне ничего не известно о Кармело Нери, и надеюсь, что все святые помогут мне никогда с ним не встречаться!

Он говорил с такой неподражаемой искренностью, что стражи закона пришли в явное замешательство, хотя сам факт этого не помешал им тщательно осмотреть бриг. Разочаровавшись в своих ожиданиях, они допросили всех находившихся на борту, включая меня, однако не смогли, разумеется, получить сколько-нибудь удовлетворительных ответов. К счастью, они приняли мой наряд за принадлежность к моему ремеслу и, хотя с любопытством разглядели мои белые волосы, похоже, не нашли во мне ничего подозрительного. После нескольких высказанных капитаном любезностей и подходящих случаю лстивых выражений они удалились, совершенно сбитые с толку и полностью уверенные в том, что полученные ими данные

отчего-то оказались неверными. Как только они скрылись из виду, весельчак Андреа, словно ребенок, запрыгал по палубе и громко защелкал пальцами.

– Клянусь Бахусом! – в восторге воскликнул он. – Они скорее заставят священника выдать тайну исповеди, нежели принудят меня, честного Андреа Луциани, предать человека, подарившего мне прекрасные сигары! Пусть бегут обратно в Гаэту и обыщут там все уголки и закутки! Кармело может спокойно отдыхать в Монтемаджоре, жандармы его не потревожат! Ах, синьор! – обратился он ко мне, поскольку я подошел попрощаться. – Мне действительно очень жаль с вами расставаться! Надеюсь, вы не осуждаете меня за то, что я помог бедному разбойнику, который мне доверился?

– Только не я! – искренне ответил я. – Наоборот, мне хотелось бы, чтобы было побольше людей вроде вас. – Я протянул ему оговоренную ранее плату за проезд. – Прощайте и примите мою благодарность. Я не забуду вашу доброту, и, если вам понадобится помощь друга, пошлите за мной.

– Однако, – произнес он с наивной смесью любопытства и застенчивости, – как мне это сделать, если синьор не назвал мне своего имени?

Я обдумал это минувшей ночью. Я знал, что нужно взять себе другое имя, и решил присвоить себе фамилию одноклассника, к которому был сильно привязан в детстве и который утонул у меня на глазах во время купания у одного из венецианских островов. Поэтому я с легкостью ответил на вопрос Андреа.

– Спросите графа Чезаре Оливу, – сказал я. – Я вскоре вернусь в Неаполь, и если вы станете меня искать, то непременно найдете.

Сицилиец приподнял шляпу и почтительно мне поклонился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.